

Владислав Окороков

Счастье труда

Рассказы

Оренбург
2020

УДК 8Р2 (092)
ББК 83 (2Рос=Рус) 6-8
О 51

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии
Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Владислав Огороков. Счастье труда. Рассказы.—
Оренбург: Издательский центр МВГ, 2020.— 104 с.

ISBN 978-5-9072973-9-5

© Владислав Огороков, рассказы, 2020 г.
© Издательский центр МВГ, 2020 г.

Счастье труда

1992 год

Я разогнул спину, старательно похрустев всеми позвонками, стёр засаленным рукавом пот с глаз, кинул папиросу в зубы и отошел от станка. Пока чиркала спичка в моих руках, станок успел хорошенько подумать над цифрами, которые я в него вбил, и начал плавными движениями вырезать заготовку. Я облокотился о ядовито-зелёную стену цеха и спустился по ней на корточки, ободрав своей спиной полметра штукатурки. С этим новым станком с ЧПУ пришлось помучиться и полдня пробежать до отдела метрологии и обратно, потому что я был уверен, что дело в неправильных измерениях, а не в моих кривых руках. Однако практика показала обратное, и я уже стал продумывать в голове извинения для этой девочки-метролога, которая, наверное, уже вздрагивает от каждого поворота дверной ручки её кабинета.

По всему цеху стали затихать станки, и усилился гомон мужиков, которые потянулись на выход, к массивной железной двери. Можно даже в рельсу не стучать — и так понятно, что время обеденное. Я поднялся, зачем-то отряхнул зад от пыли, хотя вся роба и без того была заскорузлая донельзя, вытащил получившуюся заготовку, отключил питание станка и тоже пошел в столовую, механически отработанными движениями протирая руки ветошью. Над дверью висел уже бесполезный лозунг на кумачовом полотнище, который до сих пор не сняли то ли от лени, то ли от надежды на что-то. Или страха.

У буфета стояла толпа рабочих, над которой вился недобрый гул. До моих ушей доносились в основном неподцензурные и крамольные выражения, какие неудобно слышать даже взрослому мужчине, не говоря уже о женщинах за кассой. Я пролез к витрине и обомлел от цен. Несчастная сметана, которая ещё до выходных продавалась за тридцать копеек, в этот понедельник стоила уже девять рублей. Остальные продукты тоже подорожали в двадцать-тридцать раз. Тем временем мелочь в наших карманах была очень даже дореформенная. Я перебрал монетки, завалявшиеся в брюках с прошлой зарплаты, и понял, что их не хватает

даже на хлеб, не говоря уже о нормальном обеде. Бригадир орал что есть мочи на кассирш, но те только хватали ртом воздух и разводили руками. Непонятно, чего на них кричать так, будто это они под свои хотения перерисовали ценники.

Я, впрочем, как и все вокруг, отошел от витрины, почесывая усы, из которых на бежевый кафельный пол сыпалась металлическая стружка. Делать нечего, пока обед — мы сели за столы, чтобы хотя бы передохнуть, сидя на стуле. Ко мне подсел Генка с соседнего станка и, чтобы отвлечься от голода, начал бурчать что-то про ЧПУ, и что это полная ерунда. Я кивал ему, глядя в запылённые морщины на раскрасневшемся от жары Генкином лбу, как вдруг в коридоре за столовой послышался хохот и звонкие голоса девчонок из бухгалтерии. Генка прервал свою гневную речь, обернулся на звук и недобро ухмыльнулся:

— Посмотрим сейчас, как они посмеются.

Впереди всех шагала Лариса, главный бухгалтер, невысокая полная женщина лет сорока с химзавивкой на светлых волосах, потрясывая налитой грудью, укрытой слоем бус и ожерелий. Она что-то рассказывала остальным девушкам, то и дело оборачиваясь к ним, и на её плечи подскакивали очки, висевшие на цепочке.

Когда Лариса подошла к витрине, вся столовая замерла в ожидании реакции — все хотели посмеяться над тем, как она будет пыхтеть и злиться, потому что каждый помнил, как совсем недавно она была противницей советской власти и ратовала за всяческие экономические реформы, и всем хотелось посмотреть, как она с омерзением выплюнет плоды этих самых реформ. Однако она, резко замолчав на мгновение, только тихо переспросила у кассирши, что произошло с ценами. Кассирша уже отработанным движением развела руками, и Лариса, обернувшись к сотрудницам, как-то очень глупо улыбнулась и секунду спустя, вздрогнув всем телом, шумно рухнула на кафедру, снеся всё с ближайшего стола в попытке ухватиться за скатерть. Перечницы и солонки покатались по полу, звонко бряцая, а скатёрка плавно, как снежинка, опустилась на бездвижное тело Ларисы. Буфетчица перегнулась через витрину и закрыла рот руками, зачем-то скрывая свое вполне уместное «ой» от слуха окружающих.

Выходя вечером с работы, я ненароком подслушал разговор на проходной. Завод «Гидропресс» остался без главного бухгалтера. Тем временем над Красным городком опускалось солнце, и жёлто-персиковый закат подсветил мне дорогу к остановке «Дом одежды». Я не

любил Ларису и не должен был. Вряд ли тогда можно было найти предприятие, где обычные рабочие нормально относились бы к «пиджакам», протирающим штаны в кабинетах, пока другие истекают потом и рвут рубахи на передней. И всё-таки при всей желчи и ядовитых брызгах изо рта при упоминании «канцелярских крыс» никто никогда не желал никому смерти. Несчастья — да, болезней — да, но чтобы умер человек — такого не было. Даже в самых неприятных ситуациях мы оставались до известной степени человечными. «Холера тебя задери» или «чтоб тебе пусто было» — это вроде как даже забавно, и это скорее выражение раздражения в пространство, а не пожелание беды конкретному человеку. В глубине себя-то все понимали, что человек не виноват, а вынужден. А желать смерти — это уже из разряда «не последний, а крайний». Вроде никто не умрёт, подумаешь — слово и слово. Но какие-то внутренние препятствия не дают это самое слово сказать. То ли суеверия, то ли человечность. Поди нас разбери.

* * *

1995 год

Я решил не забирать трудовую. Когда мы в очередной раз целый день просидели у стан-

ков без работы, я просто молча ушёл. С родным цехом я успел попрощаться не раз за эти несколько лет, поэтому не стал грустно оглядывать стены, жать всем руки и всё такое. Просто вышел через проходную — никто ничего даже не спросил — и пошел на остановку. Было не страшно остаться без денег, потому что мы с Генкой уже два года как создали кооперацию, которую теперь стало модно называть «бизнесом». Фактически мы были просто спекулянтами, ездили с большими челночными сумками в столицы бывших союзных республик, в зависимости от специфики товара. Продавать что-то одно было невыгодно и неинтересно, поэтому мы закупали каждый раз что-то новенькое. У сослуживца в Киеве разорился радиотехнический институт? Едем за радиодеталями. Брат на казахстанской таможне разжился огромной партией конфискованной одежды? Выезжаем. Иногда мы ездили поездами, когда закупали что-то мелкое, иногда брали у дальнего знакомого списанный армейский «ГАЗ» за магарыч. Почему же то, что раньше было уголовной статьёй, теперь стало основным занятием огромной части населения, я так до сих пор и не понял. Справедливости ради, я не ощущал себя комфортно в роли «предпринимателя», как гордо любил заявлять Генка, поэтому и не

увольнялся до последнего с завода, даже когда уже у меня появились нормальные деньги. Впрочем, ценность этих бумажек и монет так скакала, что покупать продукты домой приходилось оптом, чтобы в какой-то день стараниями какого-нибудь Гайдара деньгами не пришлось в очередной раз топить печку. Поэтому и у меня, и у Генки дома стояли мешки с солью, сахаром, мукой и прочими колониальными продуктами. Теперь же на нас свалилась просто неприличная сумма, с которой было небезопасно ходить по улице и спать у себя дома, и мы приняли решение купить автомобиль. Права были только у меня, поэтому машину оформили на Генку. Всё-таки у него семья, и ему авто может больше пригодиться. А права не то чтобы часто спрашивали на улицах. Чаще всё-таки деньги.

Я сел в троллейбус-гармошку на «Доме одежды» и поехал домой. На сегодня в планах было доехать до Генки, осмотреть пепелац, который он купил, и сразу же поехать на нём в Днепропетровск, где Генкин друг нам обещал кучу дорогостоящих радиодеталей, натыренных с «Южмаша». Мероприятие рискованное, потому что по дороге можно наткнуться в лучшем случае на ментов, которые оставили бы нам хотя бы машину. Однако по дороге че-

рез Ростовскую область (да и, чего греха таить, через любую другую) существовала вероятность напороться на более опасных людей и остаться покалеченными на обочине за две тысячи километров от дома. И это тоже в лучшем случае.

На «Культурной» в троллейбус зашел беспризорник лет четырнадцати с характерным пакетиком в руках и сел рядом с бабушкой напротив меня. Кондукторы обходили таких стороной, всё равно денег из них не выбьешь и выгонять жалко. Поэтому он, пользуясь отсутствием внимания, распечатал своё устройство и засунул лицо в пакет. Я это прекрасно видел, но уже не реагировал. Это в первые разы страшно, когда люди падают в голодные обмороки, когда видишь перестрелки на улицах, взорванные автомобили, шприцы в подъездах. Через пару лет таких будней привыкаешь к этому, как к варианту нормы. Обнюханные дети тоже стали нормой. Всё равно никак им не поможешь. Однако этот малец, видимо, немного перенюхал. У него пошла пена изо рта, и он завалился на бабушку, которая отреагировала вороньим криком и вытолкнула его на пол. Люди лишь чуть-чуть расступились, и пацан просто корчился на полу в жутких конвульсиях. Никто не стал картинно отводить глаза, никто не завизжал, ничего такого. Просто, когда троллейбус остановился на

«Рыбаковской», двое мужчин слаженными движениями вынесли его, положили на скамейку на остановке, зашли обратно и спокойно поехали дальше. На полу остался лежать только жёлтый целлофановый пакет.

* * *

Я поднялся в лифте на Генкин этаж и долго-долго трезвонил, но он не открывал. Потом я принялся стучать в дверь, но ответа так и не было. Я сел на тумбочку в тамбуре и закурил. Через пару минут в квартире послышалось какое-то копошение. Ага, дома значит. Я ещё раз ударил в дверь и крикнул:

— Генка, открывай, это я, Саша!

Я буквально почувствовал, как Генка через дверь без глазка пытается увидеть, я ли это, и через полминуты колебаний в замке зашевелил ключ. На пороге показался мой растрёпанный компаньон, а в глубине единственной комнаты растворилась его жена с ребёнком на руках.

— Ты чего? Слух потерял? — спросил я, войдя в квартиру.

Генка быстро захлопнул за мной дверь и, не обращая внимания на мой вопрос, задал свой:

— Ты под окнами «зубило» коричневое видел?

— Какое, на хрен, зубило?

— Ну, девяносто девятую «Ладу»? — его голос выражал беспокойство.

— Не, не видал. Ты её, что ли, купил?

— Да если бы. За мной приезжали. Эти. С рынка.

Тут я обратил внимание на то, что шторы в квартире задёрнуты, электроприборы выдернуты из розеток и свет выключен, несмотря на то, что уже спустились сумерки. Генка метнулся к окнам, выглянул в едва заметную щёлку между занавесками и выдохнул:

— Уехали, слава Богу. Надо Зинку со Славкой к матери отвезти по дороге, а то мало ли — так без меня придут, и всё.

— А чего им надо-то? Денег задолжал?

— Да вроде того. Мы же за ларёк на Зелёном отказались этим упырям платить. Вот они и расстроились. Я тебя хотел предупредить, да до тебя разве дозвонишься?

— Ну, у меня жены нет, так что мне не страшно. Давай собирайся.

Освещаемые ярко-оранжевой луной, мы вчетвером вышли во двор. Зина не стала нормально одеваться и шла прямо в домашней сорочке, под которой едва угадывались скудные тела. Она была полной противоположностью массивного Генки: тощая, невысокая, с оливко-

вой кожей и всегда немного солевой гутькой на голове. Зина семенила по тёплому асфальту в мягких тапочках, иногда подгоняя недовольным шепотом сына, который то и дело заглядывался по сторонам. Генка же степенно вышагивал, лишь иногда вытирая пухлой ладонью вспотевший затылок. Он больше походил на рэкетира, чем добрая половина оренбургских бандитов, но при этом оставался довольно боязливым спекулянтom. Однако на людях Генка старался не показывать своего страха, поэтому теперь шёл по двору нарочито медленно и с прямой спиной, хотя опасливо зыркал по сторонам, когда был уверен, что никто его не видит. Жаркое было лето.

Наконец мы подошли к небольшой стоянке, и Гена гордо показал мне рукой на чудо отечественного автомобилестроения — кипенно-белый «ВАЗ 2106». Новый, считай, только с завода. Он открыл двери, открыл капот и достал из сумки аккумулятор, чтобы поставить его на законное место. Затем из сумки в машину перекочевала кассетная магнитола. В завершение этого чудесного преобразования Генка открыл багажник, достал из-под дна канистру и залил из неё бензин в бак.

— До выезда долетим, а там уже заправимся, ну его.

Я не смог перечить такой расчётливости и сел за руль. На одометре красовались какие-то совершенно смешные маленькие цифры. С торпеды можно было есть, а на руле проводить хирургические операции. Ни пылинки.

— А какая! — не скрывая волнения, заявил Генка.

— Пока тебя не запустили, ага,— подала голос Зина.

Муж её проигнорировал.

Я поправил сиденье под свои короткие ноги, отрегулировал зеркала, зажал сцепление с тормозом и повернул ключ зажигания. Машина проснулась, ободрилась, и я зажёл фары, свет которых упёрся в ближайшую девятиэтажку. Под колёсами захрустела щебёнка, и мы плавно двинулись по двору. Славка что-то залопотал матери на ухо, а она перекрестила свой подъезд, когда мы проехали мимо него. Из пекарни, находящейся в соседнем от Генкиного доме, тянуло тонким ароматом сдобы, ванили и ещё чего-то убаюкивающего. Я сдержал зевок, и мы выехали на улицу Конституции. Пока мы доехали до Соболевой горы, где жила Генкина мать, Славка уснул на коленях матери, а Зина несколько раз пихнула Генку в спину, когда он порывался покурить в машине.

В доме нас уже ждали — ставни не были закрыты, в окнах ярко горел свет. Перед калиткой

грозной тенью стоял Генкин отец-фронтовик и вглядывался в темноту перед собой, поблескивая папиросой. Я остался в машине, Зина с сыном юркнули во двор, а Генка встал поговорить с отцом. Видимо, он действительно переживал, потому что обычно побаивался рассказывать родителям о своих делах — они бы точно не одобрили. Но теперь, когда Генку прижали, ему пришлось рассказать отцу, куда и зачем мы едем и почему так поздно привозим к ним семью. Я открыл дверь, высунул ноги наружу и закурил, растянувшись на сиденье. В зеркале заднего вида отразилось, как они обнимаются на прощание. Хороший знак. Сразу после Генка подскочил к машине, сел на переднее, и я дал газу.

Под утро мы встали под Самарой, чтобы дать себе и машине немного остыть. Я вышел размяться и покурить, Генка отошёл немного в сторону от дороги по другим делам. Вдалеке за полями зачинался рассвет, и вокруг было тихо-тихо, ни машины кругом. Я присел на тёплый капот, придавив несколько распластанных по нему мошек, и стал разглядывать, как дым папиросы улетает вверх, к небу. Через минуту Генка подсел рядом со мной и продолжил наш разговор, который мы начали и не прекращали, как только отъехали.

— Я все равно не пойму никак, что же произошло-то? Были же все люди как люди, а что стало? Ну да, страна другая, ну генсек новый, а с людьми-то что? Законы никто не отменял, какую-то... мораль, что ли, тоже никто не отменял.

— Так может, мы всегда были такие плохие, а нам просто было нельзя?

— Да скажешь тоже. Что я — плохой? Или ты плохой? А кто убивать пошёл? Это и сейчас нельзя! А убивают же. Грабят.

— Так заняться нечем.

— Ну, охренеть досуг. Это всё телек. Да-да, там всё это стали показывать, и всем захотелось. Вот раньше скрывали как-то. Да, плохо, что скрывали, но работало же?

— Кто ограбить кого-то захочет, тому и рассказывать не надо — сам разберётся и без криминальных хроник. Просто энергию девать некуда людям.

— А что ж, раньше было куда?

— А то. У человека базовые потребности какие? Пожрать-поспать — это понятно. Но есть же ещё потребность в труде. В нас веками закладывалось, что мы должны трудиться, мы уже так сложены, мы не можем без этого. В нас с рождения заложена энергия трудиться. А у нас отобрали это... ну, как сказать...

счастье труда, во! Работы нет — а девать эту энергию некуда. Трудиться негде. А трудиться негде — и есть нечего. Вот оно одно на другое и накладывается. Вот и получаем то, что имеем.

— Может и так. Хотя, по-моему, ты слишком хорошего мнения о людях. По-моему, они все просто говно.

— А по-моему, ехать пора.

И мы помчались во весь опор мимо пробуждающейся ото сна Самары, чтобы почти без остановок доехать от Волги напрямик до Днепра.

* * *

Из Днепропетровска мы вернулись домой почти ни с чем, потому что нашего «поставщика» накрыли, пока мы ехали, но мы умудрились разжиться шмотками на полузаброшенной оптовой базе за пузырь сторожу, так что вроде как и не зря мотались. Спекулянтство, или, как сейчас говорят, бизнес, дело такое — наступать надо по всем направлениям, авось где-нибудь да сработает ставка. Думая об этом, уже не так тоскуешь, в очередной раз упустив какую-нибудь партию. Однако шмотки оказались прибыльными — мы продали почти всё в первый же день и успели смотаться с рынка до рейдов — ментовского и бандитского. Мы еле-еле оку-

пили свою поездку, заработав себе максимум на беляш и фанфурик сверх потраченного, но я хорошо потрудился в эти дни и с огромным удовольствием после удачных продаж прямо в обед поехал домой спать. Генка последовал моему примеру.

Ближе к вечеру меня разбудил звонок Зины. Она пыталась мне что-то сбивчиво объяснить про Генку, машину и что-то ещё, но я ничего не понял спросонья, сто раз переспросил, в итоге она просто попросила приехать прямо сейчас. Делать нечего, подскочил с раскладушки и пошёл на пятнадцатый автобус — напрямик до них. Зина встретила меня вместе со Славкой прямо на остановке. Оказалось, что Геннадий, распив всяческие напитки, решил, что самое время помыть машину после дальней поездки, и своим усердием разбил стекло в двери.

— Ну и как я должна машину оставлять открытой? Это же на полчаса отойду — и всё, нет машины! Отгони её к родителям Гены, пожалуйста. А то этот охранник уже два часа как должен в кровати отсыпаться, а всё бдит.

Завидев меня, Генка виновато улыбнулся, приподнявшись с заднего сиденья, что-то булькнул и рухнул обратно. Я не стал его корить. Что ж я, сам трезвенник, что ли? Я помог Зинке вытащить мужа из машины, отвёл его

в квартиру и отогнал «шестёрку» на Соболеву гору, потеснив во дворе отцовский «Святогор».

Спустя пару дней пришедший в себя Генка позвонил мне и предложил поехать вставить стекло на место. Мы примчали в автосервис на Полтавскую и сели на скамейку ждать починки. Генка достал из-за пазухи чекушку и заговорщически взглянул на меня.

— Айда подлечимся?

— Да я не болел вроде.

— Ну я что, алкаш, по-твоему, в одиночку пить?

Я не смог устоять, и мы раздавили флакон в два приёма. Потом нарисовался второй фурик, мы сходили в соседний магазин полирнуться пивком, и когда машина была готова, мы оба были уже в очень хорошем настроении. Я предложил было оставить машину и разъехаться на автобусе, но Генка отнёс эту крамолу и сказал, что мы едем к нему. Он сел за руль, и мы с визгом умчались в Степной. Я пытался сказать Генке, чтобы он хотя бы не разгонялся, но потом подумал, что так даже веселее, и не стал перечить. Пару раз я ненадолго отключился, но Генка был человеком опытным в таких делах и поэтому уверенно ехал домой. Под конец пути он уже совсем расслабился и немного растёкся по сидению. Однако машина продолжала мчать во весь опор.

...Я даже не успел заметить, как загорелся красный прямо перед Генкиным домом. Я очнулся, только когда Генка заорал что-то совершенно непечатное и мы на полном ходу влетели в другие «Жигули». Сигнал, крик, свет фар, грохот. Я выполз из машины, взглянул на Генкин дом, кокетливо выглядывающий из-за деревьев, и упал на асфальт. Над моей головой продолжал зачем-то мигать свисающий на проводке поворотник.

* * *

Генке дали год условно и заставили выплатить огромную компенсацию. Ему пришлось продать стенку Оренбургской мебельной фабрики, за что он получил возмездие ещё и от жены. Когда я выписался из больницы, первым делом поехал к его родителям, у которых он обосновался на время, пока дома не утихнет буря. Перед домом стояла искорёженная «шестьёрка». Я походил-покурил, попинал бурьян вокруг спущенных колёс и пробормотал себе под нос:

— Счастье труда, счастье труда... Дурак ты, Генка, вот и всё.

Плюнул себе под ноги и прошёл во двор.

Порт Кавказ

— Порт Кавказ? Пятьсот. Через пять минут поедем,— ответил водитель, отгонявший мух от решётки радиатора своего автобуса. Автобус заманчиво шуршал кондиционером, но пятьсот для меня было больно. Да и всё равно, пока доедем, уже будет ночь, и в город я не смогу добраться. Но я всё ж решил попытаться в кассе ещё раз.

— Барышня, на порт есть что-то в ближайшее время?

— В шесть утра автобус Краснодар — Порт Кавказ. Брать будете?

Я сделал глаза чуть грустнее.

— Ой, а вот только что пришёл опаздывающий, Грозный — Севастополь, 515 рублей, вы успеете! Билет у водителя возьмите.

— Грозный, говорите? Шестичасовой давайте один,— сказал я и протолкнул паспорт под окошечко.

Таким образом я остался ночевать на вокзале города Краснодара. Ещё не было и десяти часов, но стемнело уже окончательно и бесповоротно, потому что дело неумолимо шло к осени. Впрочем, жара стояла очень даже летняя. Грузные женщины в очереди на рейс Пятигорск — Симферополь обмахивались широкополыми жёлтыми шляпками, как веерами. Водители раздевались по пояс и стояли, обмотав голову мокрыми футболками. Я присел покурить на трамвайной остановке на краю площади. Из этого угла вниз уходила мощёная улочка, из глубины которой медленно выползал звенящий красно-жёлтый трамвай, последний сегодня. Я шумно выдохнул дым, и он заструился через луч фонаря в шёлковую крону серебристого кипариса, шипящего листвою в ответ на редкие порывы ветра. Дым сверкнул напоследок среди самых высоких ветвей и растворился над крышами. Где-то в проводах снова рывкнул ветер, и с соседнего дерева градом посыпались зелёные ещё грецкие орехи и поскакали по мостовой вниз под колёса трамвая. Тот как раз замедлился, казалось, переводил дух перед последним рывком к площади. Пантограф на долю секунды сверкнул искрами, тем самым обозначив своё положение в пространстве. Тут трамвай, наконец, вскарабкался и рас-

пахнул двери-гармошки. Из задней вывалился перламутрово-пурпурный чемодан, а следом за ним — юная особа весом раза в два меньше чемодана. На ней были тёмные очки и некое подобие лёгкого пальто — а я сидел со старой драной сумкой в некогда белой майке-алкоголичке. Мы обменялись оценивающими взглядами. Она не оценила, а мне был интереснее трамвай, который пополз по кольцу в сторону депо. Девушка потопала в сторону железнодорожного вокзала, волоча за собой пурпурный баул, неуклюже подпрыгивающий на камнях. Я же с грустью обернулся на шашлычную чуть ниже по улице, втянул сочный воздух и потопал на автовокзал.

В здании чуть прохладнее, чем на улице, но как-то беспокойно. Банкомат Сбербанка не хотел давать меньше пяти тысяч, вокруг него ходил нервный армянин, повторявший как мантру «Адлер — Лазаревское — Лоо, Адлер — Лазаревское — Лоо», а на скамейках вальяжно сидели некрасивые казаки с косматыми бородами и лысыми пятнистыми темечками, которые иногда стыдливо прикрывали папахой, но тут же снимали её из-за жары. Я прошёл во внутренний двор к автобусам. На ближайшем был написан маршрут «Краснодар — Ясиноватая — Горловка — Макеевка — Донецк».

Этакий экспресс по местам боевой славы. Мне стало совсем уж не по себе в этом месте, и я, оглянув на прощание рябых казаков и массивных кавказцев, вышел обратно на площадь и направился на обычный вокзал. Там на ступеньках расположились десятки людей с вещами. Через Краснодар поезда идут один за другим, поэтому такая картина здесь круглые сутки. Я подстелил себе толстовку, которую за чем-то достал ещё в поезде, и тоже присел. На другом конце крыльца кружком сидели девушки в тёмно-зелёных целинках и скромно фальшивили одну из миллиарда стройотрядовских песен. У забора лениво курили полицейские, опершись спиной о редкие пыльные прутья.

Чуть поодаль от меня сидела девушка с жёлтыми от загара плечами и гулькой на затылке. Она была очень домашней и уютной, потому что её одежда больше походила на пижаму. Я подумал, что было бы неплохо порисовать её, и достал блокнот. Мне, конечно, было лень двигать даже пальцем после бодрой поездки на поезде с буровиками, но тут же я увидел плюсы рисования: во-первых, куковать мне тут ещё семь часов, и хорошо бы развлечься хоть так; во-вторых, это отличный повод для познакомиться: мол, мадам, я вас нарисовал, давайте гулять полонезом по кварталам ночного Крас-

нодара. Я начал набрасывать эскизы, издавая громкие звуки вроде бесконечного кашля и постоянно меняя позу, чтобы обратить на себя её внимание. Тут подул ветер, и заметно похолодало. Она потянулась за кофтой, чтобы укрыть свои жёлтые плечи. Она накинула на себя... пальто, чёрт возьми! Я присмотрелся и увидел, что она сидит на перламутровом чемодане. Ладно хоть очки свои дурацкие сняла. Девушка заметила меня, бросила взгляд на движения моей руки, и черты её лица будто стали мягче, но контрастнее. Она хихикнула, встала, подхватила чемодан и пошла в мою сторону. Я обольстился этим, но просто ей, видимо, нужно было идти на поезд, а проход на перроны был за моей спиной. Она просто прошла мимо, не заглянув в блокнот. И хорошо. Всё равно я рисовать не умею. Теперь я был ещё и огорчен уходом своей музы, поэтому решил уснуть. Я подмял под себя сумку, грустно сложил голову на колени и почти тут же отключился.

Окончательно проснулся я уже в автобусе где-то после Темрюка. За окном тянулись бесконечные кукурузные поля, иногда сменяемые виноградниками. И вдруг с левой стороны вдалеке показалось море. Ещё мгновение — и с правой стороны тоже начала приближаться серебряная гладь воды. Наконец коса стала на-

столько узкой, что от моря до моря можно было буквально перейти дорогу. Солнце уже катилось к полудню и начало ощутимо припекать через плотные шторы. Наконец моря разбежались, и автобус въехал в порт. Я размял затёкшие за пять часов неудобного сна руки-ноги и выполз на улицу. Купив билет на паром, я вышел к пристани. Над белым паромом «Протопорос 4» кружили чайки, а волны устало поглаживали его борта. С палубы дали сигнал, что можно подниматься, и я поскакал наверх, чтобы успеть занять хорошее место. Мне повезло, и я сел на диван у самого окна под кондиционером. Пара мгновений — и каменистые молы за стеклом поплыли назад, а чайки устремились к поверхности воды, чтобы ловить оглушённую винтами рыбу. Вдалеке в сиреневой утренней дымке я смог разглядеть мост, который скоро убьёт всю прелесть морской переправы своей бетонной прямоотой и безразличием к волнам.

Я оглядел салон и увидел поразительно знакомое пальто. Я не видел её в автобусе, но она умудрилась найти меня и тут. Она тоже заметила меня и отвернулась. Вдалеке за окном из тумана проявились холмы на том берегу. Я подумал, что было бы очень круто подойти и познакомиться тут, на пароме, всё-таки море, романтика. Подумал и не стал этого

делать, чтобы не портить себе настроение её отказом, которым скорее всего всё бы и закончилось. Вместо этого я вышел на палубу. Порт Крым стремительно приближался. Молы сомкнулись за кормой, и паром пришвартовался. Я спустился на берег, покурил под табличкой «Паління заборонено» и побежал на остановку. Войдя в автобус, я снова задремал и проснулся уже около автовокзала. Из-за того, что рядом море, дышать на улице было просто невозможно. Я облизнулся на ларёк с квасом, громыхнул мелочью и зашёл в прохладное здание касс. Передо мной стояла громкая женщина, которая пыталась уехать в Луганск. Я нетерпеливо и картинно вздыхал у неё над ухом, потому что рейс на нужную мне Горностаевку должен был вот-вот отправиться, но тут перед ней влетело в очередь то самое пальто.

— Один на Горностаевку, будьте так добры!

Я опешил. Она едет туда же, куда и я, и, возможно, даже с той же целью. Я понял, что теперь уж точно нельзя упускать её, и следом тоже попросил билет. Она улыбнулась и побежала на перрон. Я — за ней. Мы сели на соседние места. Уже не глядя по сторонам, я всю дорогу смотрел на неё, почти не обращая внимания на горы и горящие степи вокруг. Дорога короткая, и всего полчаса спустя мы с ней встали у выхо-

да рядом. Я сжал себя в кулак. Автобус остановился. Я молча взял её чемодан и вытащил на улицу.

— Спасибо вам,— сказала девушка и показала свой перламутрово-пурпурный баул через дорогу. А я остался на остановке.

2017

Полярные зори

В том году снег выпал, как обычно, неожиданно. Неожиданно и для обычных людей, и для администрации. Дороги замело так, что привычные всем пробки разрослись до ужасающих размеров. Но мне они, как всегда, были неинтересны — я прогулялся от студии до кольцевой линии и доехал на метро, куда стихия загнала, кажется, полгорода. Впрочем, с утра там по-другому не бывает.

Я машинально вышел на Курской, на автопилоте дошёл до касс Горьковского направления и взял билет до Купавны. Жил я тогда в пригороде Орехово-Зуево, на платформе 87-й километр, но там не было турникетов (да и сейчас нет), и я всегда экономил таким образом, потому что с железнодорожников не убудет, а мне лишний раз на сигареты хватит. Поёжившись немного от холода на перроне, я запрыгнул в только что поданную под посад-

ку электричку до Крутого. В ней было ничуть не теплее, но, по крайней мере, можно было сесть на лавку без риска получить простатит. Ко мне тут же под села женщина такого возраста, что её пол можно было определить только по грустным холмам в районе живота и шали, поеденной молью. Видимо, нафталин не очень помог, хотя запах стоял такой, будто она вместе со всеми своими вещами несколько лет повисела в шкафу. Естественно, с собой у женщины была необъятная тележка, место для которой нашлось именно у моих ног, где уже разместилась моя гитара. Непонятно, правда, зачем бабушки всегда катаются с ними в Москву — не раз я ездил туда и обратно с одними и теми же соседями, и объём их сумок никак не менялся. Такое чувство, что они соревнуются между собой, кто же займёт больше места и сгонит больше сонных студентов с сидений. В общем, я свыкся с таким соседством и прижался щекой к стеклу.

Поезд задрожал и тронулся. За окном привычно замелькал чугунный забор с заботливо разогнутыми прутьями. Не раз я благодарил судьбу за эти дыры, когда денег на проезд не было. Проезжая мимо Серпа и Молота, я вспомнил, что до сих пор не включил музыку. Заметил я это лишь потому, что слышал, как

шумно перелистывает страницы газеты «ЗОЖ» женщина около меня. Конечно же, она делала это, ежесекундно облизывая палец. Меня всегда это действие напрягало, а в её исполнении оно вызывало рвотные позывы, так как палец, наверно, был измазан чем-то вкусным, и её рот издавал аппетитные причмокивания. Я прижал к себе гитару и поставил в плеере на повтор свежий альбом «Сплина». Что-то про космос.

Тем временем по вагону начали шастать грустные мамочки, выпрашивающие денег не то на опохмелиться, не то на лечение плоскостопия у сына, продавцы всякого бесполезного дерьма и прочая шушара из обедневших братских держав. Я предпочёл закрыть глаза, чтобы не привлекать к себе внимания, но тут же привлёк внимание вошедшего в вагон контролёра и начал шарить по карманам в поисках билета. Он заметно погрузтел, когда билет всё-таки нашёлся. Теперь я мог спокойно спать до Купавны, а дальше заниматься бегом по составу от ревьюров. Впрочем, уснуть так и не удалось, потому что чтение «ЗОЖа» моей соседкой сопровождалось активными движениями локтей во все стороны, в том числе в сторону моих рёбер. В основном в сторону моих рёбер.

Через наушники я услышал объявление о приезде в Реутов. Самое время выйти поды-

мить в тамбур. Это было крайне опасным решением, потому что бабушка так грозно нависала надо мной, что я рисковал потерять своё место. Однако я кинул сумку на лавку так, чтобы её было видно через дверное стекло, и вышел. Через разбитое окно в тамбур залетал снег и ложился ровным слоем на заплёванный пол. Туда же полетел и брошенный мной окурок. Возвращаться в вагон не очень хотелось — свежий воздух всё же дороже сидячего места. Заглянув через дверь, я понял, что все плюсы на стороне тамбура, потому что на моем сиденье уже покоилась сраная тележка, а моя сумка валялась в непонятном положении на полу. Мне оставалось только зайти и забрать вещи с собой — свободных мест больше не было.

В вагоне я узнал, что я проклятый мудозвон и раскидываю вещи по всей электричке, и бедной старушке негде сесть. Я хотел напомнить ей, что её на том свете с фонарями ищут уже лет десять как, но сдержался и просто продемонстрировал ей известный жест. В ответ услышал примерно то, что планировал сказать ей, но мне было уже всё равно — я развернулся и вернулся в тамбур. На улице к тому времени уже стемнело, и видно не было практически ни черта — только отсветы от горящих окон на снегу и фонари где-то вдалеке. Настрое-

ние близилось к новогоднему, несмотря на то, что было всего лишь начало декабря. К сессии я, слава Богу, готов, деньги есть (на еду хватает — и ладно), а для счастья большего и не надо. Мне всегда нравились такие моменты объяснимой радости, когда я понимал, отчего именно мне хорошо. Я ехал домой, и мне это нравилось. К тому времени я переехал из Мурманской области в Москву уже два года как и привык называть местную съёмную квартиру домом. И «ехать домой» всегда означало сесть на крутовскую или петушковскую электричку и рвануть до Орехова-Зуева. А времена, когда дорога домой из Москвы занимала около двух дней, уже ушли в далёкое прошлое. Только иногда ночами снились северные сияния, о которых в столице можно было только мечтать.

Поезд подъехал к Купавне, а это значило, что пора прятаться от контролёров. Я вышел на перрон, прогулялся на пару вагонов к локомотиву и зашёл снова. Тут мне удалось даже сесть, и снова к окну, и я занялся имитацией сна. Я вложил билетик в руку и закрыл глаза. Со стороны казалось, будто я с билетом и трогать меня не надо. До какой станции билет, никто не проверял. Эта схема работала всегда, и в этот раз произошло так же. Краем уха я услышал, как контролёры прошли по вагону

мимо меня. Я даже злобно похохотал где-то внутри себя и задремал на самом деле.

Через полчаса я проснулся от того, что электричка резко затормозила, и я вместе с сумкой и гитарой полетел на соседнюю лавку. Свет в вагоне предательски погас, но даже в такой темноте было понятно, что мы остановились в чистом поле. За окном светились огоньки телефонов и фонариков — встречный поезд постигла та же участь рядом с моим. По громкой связи машинист неразборчиво объяснил, что из-за метели что-то не так с контактной сетью, и пока что придётся постоять. Мне торопиться было некуда, поэтому я даже не расстроился и снова вышел в тамбур. Двери были открыты, поэтому я соскочил на пространство между двумя путями и увидел, что люди выходят из всего поезда, как и из соседнего. Будто станция где-нибудь на пути Москва — Адлер, только без рыбы. Мужские фигуры вокруг тут же задымились, и я присоединился к ним. Женщины же бегали от мужчины к мужчине, увязая в рыхлом снегу, увлеченные истерикой по поводу внезапной остановки. Я постучал ботинком по колесу электрички напротив и услышал сверху стук в окно изнутри. Сделав шаг назад, я увидел горящие во тьме вагона зелёные глаза, укоризненно глядящие на меня. Лицо, на кото-

ром они уютно располагались, приблизилось к стеклу, и я разглядел вокруг него рваные кло-чья проржавевших волос. Впрочем, несмотря на мою небрежную характеристику, лицо было симпатичным и в меру покрытым веснушками. Его обладательница шутливо погрозила мне кулаком и улыбнулась, проявив пару милых морщин возле глаз. Я тоже оскалился, насколько позволяло деревянное от холода лицо, и отвернулся, чтобы не смущать её своей физиономией. Сигарета потухла от того, что на неё приземлилась большая снежинка, и я хотел было залезть обратно в вагон, как меня сзади окликнули. Я обернулся и увидел, как из открытых дверей электрички пытается вылезти маленькое тельце в очень объёмном пуховике, окаймлённое рыжим оперением там, где у нормальных людей голова. Этого же человека назвать нормальным язык не повернулся, потому что такое простое препятствие, как ступеньки, оказалось для него чересчур сложным. Девушка обрушилась в снег, как маленькая лавинка, и ушла в него почти с головой. Я подошёл и протянул ей руку, но она её не взяла, а сама вылезла, зацепившись за ступеньку. Оказавшись на поверхности, она уставилась на меня, широко улыбаясь и вновь обнажая свои морщинки.

— Марина! — сказала она, протянув крохотную ладошку.

Я не рискнул сжимать её своей лапицей и вместо этого сдержанно кивнул. Она нахмурилась:

— А тебя как зовут, молчун?

— С утра Сашей был, сейчас Костя.

— Он ещё и шутник! Ну надо же! А чего мы тут стоим?

— Ну, метель, вон вроде контактную сеть оборвало, или ещё чего...

— Да я знаю. Ты чего тут стоишь?

— Скамейки нет, вот и стою.

Она не оценила шутку и толкнула меня в живот, потому что выше дотянуться не могла. Я, в свою очередь, не оценил дерзость и только собрался, наконец, подняться обратно в вагон, как она снова меня окликнула:

— Эй, не дуйся ты.

— Начнем с того, что пока ещё «вы». К тому же...

— Ты откуда такой обидчивый?

— С Полярных Зорь я.

— А я с приморских закатов. А серьезно?

— С Приозёрного, 87-й километр.

— А, ну считай соседи! Я в Орехове живу.
Рад?

— Не очень-то. Может, я пойду?

— Ну иди, если ты такой.

— Именно такой.

Оставив за собой последнее слово, я прошёл обратно в вагон и сел на место, освобождённое истеричными бабулями, и обложился сумкой и гитарой. Только я собрался уснуть в ожидании отправления, как из тамбура появилась резкая, как «нате!», Марина. Я только и успел, что протянуть про себя любимое слово, выражающее самую широкую гамму чувств всего в трехбуквенном эквиваленте. Эта барышня плюхнулась на сиденье рядом со мной, потеснив мои вещи, и заявила:

— А я с тобой поеду.

— В таком случае я обратно в Москву погнал. — Мне не льстила возможность просидеть лишний час, а то и больше, с этой рыжей язвой. Хоть она и симпатичная, зараза.

— Да ладно тебе, сиди уж. Я много места не занимаю, сам видишь.

— Вижу. Но хотелось бы ещё меньше, например, чтобы ты во-о-он в том поезде сидела.

— Чего, нравлюсь, что ли?

— Больно много о себе думаешь, — важно сказал я, пока Марина укладывала голову на моё плечо.

За окном снова помчались подмосковные сосенки и замелькали белёсые фонари за

прозрачной стеной из мчащихся снежинок. Я взглянул на мерно сопящее существо и улыбнулся. Было трудно понять, как за полчаса ненавистный сгусток ржавчины превратился в ненавистный сгусток ржавчины, направляющийся ко мне домой. Я вжал голову в плечи, пытаюсь укрыться от холода, краем глаза увидел в окне вспышку, невольно повернул взгляд на небо и тут же всё понял.

Высоко над вершинами чернеющих сосен разгоралось северное сияние.

2016

Московские ворота

I

Я с трудом открыл дверь и, наконец, скрылся от ливня в вестибюле станции Чернышевской. Выжав тяжёлую от влаги футболку на кафельный пол, я кинул жетон в турникет и прошёл на эскалатор. В выбеленном до стерильности потолке тёплым жёлтым светом отсвечивали лампы балюстрады. Ступеньки пустовали, и я с трудом подавил желание поскакать козлом вниз и попытался насладиться плавным спуском. Получилось плохо.

Я старался разглядеть цифры на табло, но за мокрыми ресницами видел только красные блики, которые никак не хотели складываться во что-то осмысленное. Я ещё не решил, куда ехать, поэтому изо всех сил растёр глаза, чтобы всмотреться в список станций на стене. Из названий мне больше всего понравилось «Технологический институт», и я подумал, что можно

туда доехать, а там пересесть на синюю ветку и умчаться в Купчино например. Всё равно делать нечего.

В тоннеле зашумело, и из глубины пробился рассеянный свет фар. Я шагнул к краю платформы, и меня обдало ледяным потоком воздуха. Поезд остановился, и мои растрёпанные ветром волосы мокрыми мерзкими щупальцами легли мне на лицо. Я отплевался и вошёл в почти пустой вагон. Мест было более чем достаточно, и я, к своему удовольствию, смог развалиться на лавке.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Площадь Восстания. Переход к поездам третьей линии.

К тому моменту я прохлаждался в этом городе уже неделю, но не сделал ещё ни одного запланированного дела. Хотя дело, по сути, всего одно и было — поступить в институт. Но каждое утро что-то меня останавливало. То подъём в четыре часа дня после ночи на мостах (я оправдывал себя сменой поясов, но сам себе не верил), то я до утра веселился у друзей на станции Парк Победы. Чаще всего я просто ловил себя на том, что мне стыдно идти в хороший вуз со своими смешными баллами за ЕГЭ. Зачем я тогда приехал?

— Площадь Восстания.

О том, что с поступлением у меня будут проблемы, я понял в тот чудный день, когда пришли результаты экзамена по литературе. Мы с Викой, моей соседкой по дому, которая сдавала то же, что и я, встретились во дворе. Она была в слезах, я был в свитере, шёл очень кинематографичный дождь, мы закинулись невероятным количеством валерьянки и пошли в лесопосадку кричать от безысходности. Вика в истерике сорвала голос, я пинал опавшие ветки и сплёвывал приторную от таблеток слюну.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Владимирская. Переход к поездам четвёртой линии.

В итоге Вика поехала в Петербург почти одновременно со мной и каждый день хвалилась, что подала документы то в СПбГУ, то в Герцена. Я отправлял ей улыбающиеся скобочки, убирал телефон и шёл гулять дальше. Она взяла сюда с собой маму, поэтому видется у нас не получалось: у её мамы было очень интересное отношение ко всем Викиным друзьям, в том числе ко мне. А именно — в её взгляде очень легко читалось: «Ты, кусок дерьма, не подходи к моей дочери, мне мерзко с тобой ходить по одной земле и дышать одним воздухом». В словесных выражениях она тоже не стеснялась, поэтому на все предложения Вики я от-

вечал что-то в духе: «Ой, я вот как раз сейчас еду в метро в институт, давай потом». Один раз я написал ей это, видя из окна второго этажа кафешки, как она с матерью заходит на первый. Пронесло.

— *Станция Владимирская.*

По крайней мере, у неё шансов было гораздо больше, чем у меня. И с литературой она справилась чуть лучше, и с русским языком. В английском вообще обскакала на двадцать баллов, и я проспорил ей съесть тарелку печёнки. Не дождётся. Вот поступит в Питер, тогда я, может быть, подумаю об этом. А то зазнается.

— *Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Пушкинская. Переход к поездам пятой линии.*

Да сколько ж тут этих линий? Я, конечно, за неделю успел потихоньку разобраться, что к чему, куда и на чём мне ехать, и даже без чьей-либо помощи, но некоторые моменты вводили в ступор. Например, узел Садовая — Спасская — Сенная заставлял меня биться в припадках каждый раз, когда я пытался там куда-нибудь пересесть или хотя бы выйти на улицу. С ужасами московской подземки, конечно, питерская совсем не сравнится, но после горстки «пазиков» и щепотки троллейбусов в Оренбурге даже относительно удобное питер-

ское метро кажется лабиринтом без выхода. Поэтому по большей части города я передвигался в основном пешком, но в тот день дождь сказал: «Егор Валерьевич, иди-ка покатайся. Когда ещё в Питер приедешь?», и я не мог ему перечить.

— *Станция Пушкинская.*

А перечить я не мог, потому что мой следующий визит действительно под вопросом. Из-за плохих результатов вся надежда была на специальность с творческим конкурсом. И, отбросив в сторону журналистику (конкурс везде был слишком высок), я нацелился на реставрацию. На вступительных нужно было прийти и порисовать. Художку я, конечно, окончил, но за три года до того, и не могу вспомнить, чтобы я хоть раз за эти три года брал в руки что-то рисующее. Но баллы ЕГЭ нужны были довольно средненькие, и, по моим подсчётам, я прошёл бы туда, набрав чуть больше минимума на экзамене. А это вроде не так уж сложно. Но для начала хорошо хотя бы, чёрт возьми, взять себя в руки и поехать в институт культуры, чтоб подать документы.

— *Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Технологический институт. Переход к поездам второй линии.*

А времени оставалось катастрофически мало. Пока я тянул кота за все подробности, подхо-

дило время вступительных экзаменов в ОГУ, который я оставил как запасной вариант, на случай, если с другими городами не получится.

— *Станция Технологический институт.*

Я подскочил с места, вышел на платформу и пошёл через коридор к «поездам второй линии».

Снова подошёл к краю платформы, мой разрез глаз снова на несколько секунд уменьшился до размеров игольного ушка, и я опять смахнул с лица скользкие макароны своих спутанных волос. В этом поезде народу было уже побольше, и пришлось прислониться к надписи «Не прислоняться» на противоположной двери.

— *Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Фрунзенская.*

В горле засел неприятнейший ком. Как всегда в критические моменты, меня ещё и начало рубить в сон. Как всегда, неожиданно-негаданно накатило Его Величество Осознание. И внезапно в голове запело: «ты почти просрал единственную возможность выбраться из Оренбурга», «ты почти просрал свою будущую жизнь», «если ты не поступишь даже в ОГУ, то пойдёшь в армию». Да, я ехал сюда не поступать. Маме я, конечно, напел, что за меня будут насмерть биться все петербургские вузы, но себя обмануть у меня никак не выходило. Про-

сто в тот период жизни я почему-то думал, что если вот сейчас не съездить в Питер, то следующий год в Орене я буду выть на луну каждую ночь, и вообще будет невесело жить как-то. Я об этом городе мечтал с самого знакомства с Машей, благодаря которому, собственно, в него и влюбился, и не воспользоваться таким шансом было бы грешно. Но сейчас у меня был шанс здесь ещё и остаться, но я бездарно отнекивался от него, хотя институт культуры так и шептал мне с набережной: «Зайди в меня, Егор, зайди, ты точно в меня поступишь!».

— *Станция Фрунзенская.*

На кой чёрт мне это Купчино случилось? Может, там много университетов? Зерно сомнения говорит, что нет. Вот он, шанс. Пока ещё не улетучилось чувство стыда за проспоренные самому себе пари.

— *Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Московские...*

Я не дал голосу с потолка договорить и вскочил в смыкающиеся двери. Дыхание стало частым, и я даже захрипел от адреналина. Я буквально почувствовал, как в моих глазах, в горе потухших и разломанных спичек появился пока ещё слабый, но уже уверенный огонёк. К противоположной стороне как раз подъехал поезд, и я вбежал в вагон.

II

Я стоял на втором этаже института культуры, теребил в руках копию своего аттестата и смотрел, как по стеклу ползут крупные капли дождя, а за стеклом сереет Нева в крепких объятиях гранитных берегов. День плавно тѣк к своему исходу, а приёмная комиссия — к закрытию, поэтому я немного нервничал. Тем не менее, винить мне было некого, кроме себя самого. Я должен был догадаться сразу, что если я припрусь туда к двум часам, то наткнусь на гигантскую очередь. Как бы то ни было, я чувствовал себя лучше, чем за час до этого в метро, потому что я сделал хоть что-то. Маленький, но шаг. И пятиться уже не имел права — придя даже на следующий день, даже утром, я мог уже не попасть на экзамен в дни до моего отъезда, и тут бы я маме не смог ничего соврать, и она была бы права, всыпав мне по первое число. Так что я смиренно ждал, когда подойдёт моя очередь.

За столами факультетов сидели, видимо, студентки, которых заставили заниматься приёмом документов вместо отдыха, чтобы преподаватели могли смотаться в отпуск. На добровольной основе этим заниматься стал бы только... Да никто не стал бы. Все поглядывали на часы. И сотрудники института, и абитуриенты, и даже проходимцы вроде меня. И когда

минутная стрелка почти дошла до без четверти четыре (а работала комиссия как раз до четырёх), меня вызвали в самый дальний зал.

Над ободранной школьной партой висел гордый плакат «Факультет мировых искусств». Сам угол, где располагался штаб этого факультета, выглядел так, будто внешность — не главное. Но за шум беснующейся Невы, доносящийся из открытой форточки, я был готов всё это простить. За партой сидела самая обыкновенная девушка, которую я никогда бы не узнал, увидев второй раз.

— Егор Литовченко?

— Я за него.

— Давайте документы.

Я сунул ей какие-то ксерокопии и пачку фотографий на выбор — качественные из фотоателье или смешные из ОГУ. Она взяла из ОГУ и уткнула нос в мой паспорт.

— Оренбург? Как интересно. Я тоже оттуда,— сказала девушка и уточнила:— А какой район?

— Степной...

— А, вижу, что Лазо. И школа, я так понимаю... А, нет, пятьдесят четвёртая.

— Вы, я так понимаю, тоже из Оренбурга? — я не особенно внимательно слушал её и за чем-то переспросил.

— Я же уже сказала, что да. Более того, я жила прямо напротив вашей школы. Дом по Дзержинского там, знаете?

— Да... и учились тоже у нас?

— Вот тут вы не угадали — в девятой. И буквально год назад её окончила. Ну, я отвлеклась. На какое направление подаём?

— Реставрация.

— Как интересно... Вы не поверите, но я сейчас на втором курсе реставрации,— она улыбнулась.— Забавная штука эта судьба.

— И как учиться? Достаточно просто? — я делал вид, что игнорирую её ремарки, но внутри себя напрягся.

— Если для вас постоянно рисовать — просто, то более чем. Больше мы особо ничем и не занимаемся. Потом уже, с третьего курса, идёт специализация — либо реставрация живописи, либо декоративно-прикладного искусства. Там уже дела поинтереснее. У кого резьба по дереву, у кого гобелены, у кого барельефы, горельефы... Чёрт их разберёт.

— Ну, пожалуй, не буду задерживать очередь. Куда мне на консультацию ехать?

— Вам нужно на проспект Обуховской Обороны. Знаете, где это? Не кивайте, вижу, что не знаете. Нужно доехать до станции Елизаровской. Только она сейчас закрыта на ремонт до

конца года, поэтому придётся ехать с пересадкой. Вам откуда ехать?

— С Чернышевской.

— Так... Можете на метро до площади Александра Невского, там сесть на любой автобус до Елизаровской. Но выходить рекомендую часа за два. Мало ли, заблудитесь ещё там.

— Да куда я денусь? Конечно заблужусь.

Я выскочил из дверей университета и широко улыбнулся Васильевскому острову. Он и бровью не повёл, а я побежал вдоль набережной к Дворцовой площади. Радость, радость, радость! Хоть раз в жизни я взял всё в свои руки, и у меня из этого что-то получилось. К тому же появился приятный бонус в виде моей почти что соседки за две тысячи вёрст от дома. И снова в моей жизни возник оттенок кинематографичности. История очень даже киношная — уехать чёрт-те куда из дома, чтобы встретить там девушку с соседней улицы, которую никогда не видел в родном городе, но обречён быть с ней рядом вдалеке от своей земли. Это стало для меня важным знаком — теперь-то я точно не имею права сюда не поступить. Не думаю, что и для неё такая встреча прошла бесследно. Тоже, наверное, размышляла об этом в последние рабочие минуты. Наверное — читай, надеюсь.

Я позвонил своей оренбургской подруге Марине, которая уже полгода как расквартировалась в Петербурге, чтоб заглянуть к ней на радостях и залить чаю за воротник. Она была не против моего визита, её парень Влад — тоже, поэтому я помчался на всех парах на станцию Невский проспект.

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Сенная площадь. Переход к поездам четвёртой и пятой линии.

Влад пообещал меня встретить у входа на Парк Победы, поэтому я расслабился и перестал судорожно вспоминать дорогу к их дому. С ним я знаком был совсем недавно — мы вчетвером встречали две тысячи шестнадцатый: он, Маринка, я и моя тогда ещё девушка Лера. Лера и Маринка были лучшими подругами с каких-то незапамятных лет, класса с восьмого, а Марина и Влад были знакомы ещё дольше. Но он до недавнего времени служил в армии здесь, в Петербурге, поэтому мне познакомиться с ним никак не удавалось, хотя от Марины я слышал о нём много хороших вещей. Все они, как ни удивительно, оказались правдой: Влад — это человек-плюс, человек-заечка, человек-плюшевый мишка. Называть его иначе как Владечка при личной встрече было невозможно, столько он источал лучей нежности и доброты.

— *Станция Сенная площадь.*

Но, как бы я ни любил этих двоих, мне было пока ещё очень тяжело подолгу находиться с Мариной, потому что рано или поздно разговор сводился к Лере. А этого мне одновременно и хотелось, и не хотелось. С одной стороны, мы с Лерой наконец начали общаться как друзья, без истерик впервые с момента расставания, и я был этому крайне рад. С другой стороны, я понимал, что чем дольше я буду смаковать наши с ней отношения, тем сильнее я буду хотеть их возобновить. А Лера, хоть и тосковала первое время, потом внезапно стала сильной и независимой в самом хорошем смысле этих слов и явно не захотела бы возвращаться к такому скучному мне. Наслушаются своей «Алоэ Веры» и парням изменяют.

— *Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Технологический институт. Выход на правую сторону. Переход к поездам первой линии.*

Но ещё хуже было, когда разговор скатывался до Миши. Миша был моим лучшим другом весь предыдущий год и, как следствие, четвёртым членом нашей банды. Лера, Марина, Миша и Егор. В какой-то момент вскоре после моего расставания с Лерой он купил машину, однажды привёз меня на ней домой, попросил

больше не писать и не звонить. И сам перестал. Не знаю, связана ли была покупка машины с концом нашей дружбы, но мой раскалённый мозг почему-то собрал это воедино, и я начал отговаривать всех оставшихся знакомых учиться на права. Потом понял, что чёрт с ними, пусть едут куда хотят, но осадок остался. И его уход был для меня даже трагичнее, чем конец отношений с Лерой, потому что тогда у меня оставался хотя бы лучший друг. Теперь у меня не оставалось никого. Марина, и та в Питер уехала как раз перед этим всем. И получалось так, что все были с кем-то — Марина с Владом, Лера шустро нашла себе нового парня, как только перестала плакать, ну а Миша никогда в одиночестве долго не был. Только я был один. И теперь, когда всё вроде наладилось, Миша единственный из компании не вернулся в мою жизнь в каком бы то ни было качестве, поэтому говорить о нём мне совсем не хотелось.

— *Станция Технологический институт.*

Чёрт, я на этой станции бываю чаще, чем дома. Пора на трамваях начать ездить, что ли?

— *Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Фрунзенская.*

Пока я думал о том, что не хочу думать о Мише, не заметил, что начал о нём думать. А за ним пёстрой простыней потянулись одно

за другим воспоминания о прошедшем лете. На пару минут я даже увлёкся и растёкся по ним. Пьянки, пьянки, пьянки, песни до утра, ментоловый «L&M» на Лериной кухне, троллейбусный рок-н-ролл, опять пьянки и так далее. Вообще весь предыдущий год для меня сложился в одну большую пьянку четверых счастливых людей, которые любят друг друга и рады друг другу. И в очередной раз тяжёлым весом меня расплющило о землю очередное осознание того, что этих четверых счастливых людей раскидало чёрт-те куда друг от друга и друг в друге они более не нуждаются. Разве что Лера с Мариной, да и те в двух тысячах километров. Хотя сейчас Лера и тусила на летней практике в Москве, это, наверное, не очень просто — дружить на таком расстоянии. Меня же добивало то, что обе они больше искали общения с Мишей, чем со мной, после всего этого. Да и в те времена испытывали к нему больший интерес, чем ко мне. Загадочный ублюдок.

— *Станция Фрунзенская.*

Да, я никак не мог отпустить их. В компании этих троих мне было спокойно, комфортно, я чувствовал себя уверенно и думал, что у нас у всех — и даже у меня — что-то да получится. И одним махом у меня выбили всю почву из-под ног, и я повис где-то между. На это же

я скидывал появившиеся проблемы с учёбой, проблемы со здоровьем, да все проблемы. Не знаю, конечно, насколько это было правдой, но из колеи меня здорово вышибло. И, сидя в мокрой одежде в тёплом вагоне петербургского метрополитена, я пытался собраться воедино с самим собой.

— *Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Московские ворота.*

III

Утро выдалось до приятного солнечным и на редкость тёплым для хмурого северного города. Я шёл по проспекту Обуховской Обороны вдоль берега Невы в свободной голубой рубашке с коротким рукавом и курил. Мне было прохладно, привольно и радостно. Здание художественных мастерских института культуры застенчиво пряталось в шелестящих кронах деревьев и тихо шепталось о чем-то с небольшим сквером напротив, который вторил ему шорохом кустов и давно не стриженной травы. Я вошёл в высокие резные двери. С вахты приподнялся щербатый сторож:

— Молодой человек, на консультацию?

— На неё.

— А вот налево по коридору проходите. Как раз упрётесь в нужную дверь, пожалуйста.

Я сдержанно поклонился, взял в автомате кофе и прошёл в дальний зал. Там я будто снова попал в родную художку. На стенах были развешаны драпировки, графические натюрморты и акварельные эскизы. Столы были уставлены кувшинами, искусственными фруктами и гипсовыми головами, которым мы в художке давали имена вроде Сигизмунд или Себастьян.

Я, аккуратно ступая через лежащие на полу картины, отошёл к стене. Как я понял, это были примеры того, что и как нам придётся изображать. Некоторые работы были незаконченными, некоторые были откровенно кривыми, и я почувствовал себя достаточно уверенно. Мне не составило бы никаких проблем нарисовать так же. И если на стенах висят работы уже поступивших, то честь и хвала таким преподавателям за крылья, дарованные неоперившимся желторотым абитуриентам. От таких мыслей у меня самого зачесались лопатки, и я потерял спиной о стену. В аудиторию вошла высокая женщина в узком чёрном платье.

— Здравствуйте, дорогие абитуриенты и родители. Я рада приветствовать вас в институте культуры. Давайте сразу к делу. Работы, которые вы видите на полу,— на «двойку». Такие мы даже не рассматриваем и не аттестуем. На стенах — работы абитуриентов-отлични-

ков. Все они уже учатся у нас. Вам предстоит вот что...

Меня бросило в холодный пот. Надо ли говорить, что больше я ни одного её слова не разобрал? Я тут же зашатался и почувствовал, что очень хочу спать и готов упасть прямо на эти сраные натюрморты и смотреть сны про то, как я учусь в Питере на бюджете. Больше я этого нигде увидеть, очевидно, не мог. Я прошмыгнул за спинами в дверь и вышел на улицу. На мой огонь только что выплеснули целое ведро ледяной воды и растоптали пепелище.

* * *

Не чувствуя под собой дороги и не глядя по сторонам, я бежал по проспекту Как-Её-Там-Обороны и зло стрелял глазами в лениво тащившиеся трамваи. Я опаздывал на экзамен, потому что вполне ожидаемо проспал. Дождь мерзко крапал, кажется, только мне в лицо, а я только и делал, что отплёвывался. Капли были невкусные.

Я залетел в здание мастерских и побежал всё в тот же дальний зал. На пороге меня встретила всё та же женщина. На этот раз она была не в платье, а в бесформенном чёрт-те чём, которое обычно носят уважающие себя художницы. Она сказала мне очень громким шёпотом:

— Ну где вы ходите? Экзамен начался. Фамилия как ваша? Так, значит, у вас сначала живопись. Сюда проходите. Выбирайте любой мольберт, какой вам нравится, и рисуйте любой из стоящих здесь натюрмортов, какой лучше видно.

Я прошёл в угол за самый дряхлый мольберт, натянул бумагу на планшет и прицелился на ближайший натюрморт с кувшином, тарелкой, поставленной вертикально, яблоком и какой-то бешеной вырвиглазной драпировкой. Из-под моего листа кокетливо выглядывала высеченная на планшете фраза «Не блатуй». Я сдвинул бумагу на пару сантиметров ниже и начал распаковываться. Краска, кисти, даже губку взял. И — твою мать! Вылетело с утра, да и последние пару недель, из моей головы, что для живописи акварелью нужна вода. И ладно вода. Её нужно куда-то наливать. Я судорожно закрутил головой в поисках чего-нибудь подходящего. И нашёл. На столе у входа в аудиторию стоял пластиковый стаканчик. Я тихо, чтобы никого не отвлечь, прошёл в коридор, сделал вид, что передумал выходить, и незаметно взял стакан. Он был ещё и полон, судя по всему, чаем. Но мне было не принципиально. Я сел на своё место и начал потихоньку рисовать, поглядывая на других поступаю-

щих. Очень крутой парень в чёрной толстовке и с классной стрижкой а ля «снизу машинкой, сверху ножницы» рисовал без эскиза, сразу заполнял пространство мелкими мазками. Выглядело это так себе, и я подумал, что не так уж я и плох. Чуть дальше девочка рисовала гуашью прозрачную бутылку, даже не пытаясь добавить белил. По мере того, как цвет становился гуще, девочка становилась грустнее. А я, закончив карандашный набросок, принялся рисовать цветом. За основу я взял манеру Павла Корина — крупные широкие мазки, аккуратная тёплая цветовая гамма. Но, в отличие от Корина, я не был хорошим художником, поэтому получалось что-то неприглядное. Чай с ультрамарином потёк вниз по бумаге, и едва нарисованная тарелка приобрела какую-то неевклидову форму. Прищурившись, я отметил, что кувшин у меня не просто парит в воздухе, вместо того чтобы стоять на столе, его ещё и расплющило какими-то неведомыми силами по каким-то неведомым осям. В зал вошла всё та же женщина, посмотрела на стол, видимо, в поисках своего чая, и пошла вдоль мольбертов смотреть, что люди рисуют. Я выхватил из сумки губку и убрал гигантские лужи, скопившиеся в нижней части листа. Заодно размазал краску по всему натюрморту, и он вышел очень

даже авангардистским. Женщина подошла ко мне, покосилась на мой стаканчик с «водой» и спросила, глядя на то, как я лихорадочно сметаю кисти в сумку:

— Вы считаете, что вы закончили?

Я тут же понял, что абсолютно, совершенно, ни капельки так не считаю.

— Да, вполне закончил.

— Что ж... — она шумно и недоверчиво выдохнула. — В таком случае можете идти на перерыв и через двадцать пять минут вернуться на графическую часть.

Женщина смотрела на меня с жалостью. Я чувствовал себя очень неполноценно, потому что на другие работы она хотя бы кидала одобрительный взгляд. Здесь было только недоумение, удивление и сострадание. Не выдержав её снисходительности, я вышел на улицу.

— Кажется, всё понятно, чувак, — сказал я сам себе. И впервые за последние пару недель себе поверил. Всё было и в самом деле предельно понятно.

Эпилог

— Брат, послушай, а ты куда едешь?

— Домой через Москву.

— Эх... Я тоже хочу в Москву. Ты на «Сапсане»?

— Не, на обычном ночном.

— Жаль... А я хочу на «Сапсане» хоть раз проехаться, вот деньги коплю. У меня братья там.

Я понимающе кивнул и вышел из такси. Гигантская бронзовая туча опустилась на крышу гостиницы «Октябрьская», выделив на своём фоне надпись «Город-герой Ленинград». Я прошёл через высокие кованые ворота, закурил и встал к нужной платформе. До отправления тридцать минут. Телефон зажужжал. Звонила Вика.

— Егор, привет. Я тебя не разбудила?

— Нет, я поезд жду.

— А-а-а, ты уже в Орен едешь?

— Вроде того.

— Как твои экзамены? Поступил куда-нибудь?

— Да пока не зн...

— А я поступила, представляешь? В последний момент отправила бандеролью документы в Калининград и поступила! На бюджет! На лингвистику, правда, но всё равно здорово! Рад за меня?

Я на пару секунд умолк, задумавшись, как голосом отправить улыбающуюся скобочку. Не придумав способа, я бросил трубку. Потом скажу, что связь прервалась или телефон сел.

Докурив, я зашёл в вагон. На соседней полке сидели девочки-ролевички в кольчугах и застенчиво улыбались. Я почувствовал, что сейчас вырублюсь и буду спать до самой Москвы, но всё же нашёл в себе силы на самое последнее и самое важное дело.

— Алло, Лер, привет. Не спишь? Слушай, я завтра в Москву приезжаю в одиннадцать, на Ленинградский. Встретишь меня?

2018

Здравствуй, пешеходная Советская!

I

Первым, что я увидел в то утро, был снег. Фонари ещё не погасили, и я мог видеть отражение их света в каждой снежинке, пролетающей в чёрном квадрате окна. Я встал с кровати и пошёл на кухню, даже не пытаюсь найти выключатель. Там я на ощупь зажёл плиту, поставил турку с кофе на огонь и при тусклом свете конфорки воткнул вилку телевизора в розетку. Он закричал, и с холодного кинескопа слетело облако пыли. По всем каналам ещё шла профилактика — на часах было двадцать минут пятого. Забыв о кофе, я начал собираться на работу. Взял плеер, нашёл новые батарейки и зарядил кассету Агаты Кристи «Опиум». Для прогулки по зимнему Оренбургу самая подходящая музыка. Одевшись, я вышел из дома.

На улице потеплело благодаря выпавшему снегу, и было так красиво, что я впервые пожалел, что мне так недалеко идти. Я включил плеер и пошёл в депо. Из темноты на меня взглянул заснеженный скелет будущей библиотеки политеха.

Дорога была пуста, и я перешёл её в самом широком месте, около водонапорной башни, оставляя первые следы на побелевшем за ночь асфальте. На проходной был один только вахтёр Валерич, пытавшийся поймать «Маяк» на своём маленьком приёмничке.

— Здорово, Валерич! — сказал я, отряхивая сапоги от снега.

— О, заходи, Ян! Ты, как всегда, первый! — ответил вахтёр, не отрывая уха от шипящего динамика.

Я не знал, что ответить, и просто улыбнулся. Он нахмурился.

— А правда, что маршрут твой закрывают?

— Тебе кто такую чушь сказал? — поинтересовался я, всеми силами сохраняя спокойный голос.

— Да вот вчера тебя не было, а мужики вечером шли и говорили: мол, приказ сверху, хотя Советскую вообще закрыть для движения. Любка — та вообще вся светилась, она уже давно на «тройку» хочет!

— Впервые слышу. Ладно, разберёмся. Пойду машину готовить.

Я вышел во внутренний двор депо и пошёл к своему троллейбусу. Он стоял в самом дальнем углу, у забора, будто съёжившись от холода. Я смахнул перчаткой снег с фар и шильдика «ЗиУ» и заглянул в лобовое стекло. Тихо, темно и печально. Сзади послышался скрип шагов, и я обернулся. Лёха из второго депо.

— А ты-то чего здесь забыл? — сказал я, проигнорировав его приветственную улыбку.

— И тебе привет, — потускнев, сказал он. — Вот, своего красавца сюда вчера загнал, а то на нашей ветке электричество кончилось ночью, а я как раз последний заезжал.

Лёха махнул рукой в сторону угрюмого ржавого троллейбуса-гармошки самого тоскливого оттенка серого цвета.

— А что, «ЗИЛом» подтянуть не судьба была?

— Просто я как раз вчера на тринадцатом был, с маршрута к вам сразу. Или тебе места жалко?

— Да хоть всё депо своими гармошками заставь, главное — угол мой не трогай.

— А чё, говорят, кончается «единичка»?

— Понятия не имею и иметь не хочу.

— Ну, если что, готов уступить свой тринадцатый, будешь каждый день в Азию ездить.

— Лёх, иди куда шёл, работы по горло.

— Какая работа в пять утра? Сиди да жди рейса. Ты во сколько вылетаешь?

— По графику через полчаса, но я диспетчера дождусь — и тут же. Неохота стоять тут, задницу морозить.

Лёха наконец отстал, и я смог спокойно взять щётку, чтобы почистить кузов.

* * *

Когда мой троллейбус выезжал на маршрут, высекая искры из обледеневших проводов, было уже совершенно ясно, что нам с моим бело-синим товарищем осталось недолго. Диспетчер сказала, что Советскую решили сделать пешеходной, поэтому летом провода снимут и «единички» больше не будет. Я держался за руль, будто у меня его в любую секунду могли вырвать из рук. Кондуктор дремала в салоне. Троллейбус тоскливо лязгал проржавевшими дверями и отстукивал печальный монотонный бит хиреющим компрессором. Дороги всё ещё были пусты, и рассвет был не близок, поэтому я разогнался так сильно, как мог. Но на углу Володарского меня сильно занесло, я забыл про стрелку, и штанги слетели к чертовой матери. Я в сердцах стукнул руками по рулю и опустил на него голову. Пронеслась крамоль-

ная мысль: «А не переучиться ли на автобус?». Я отмел её и пошёл играть в перетягивание каната. «Рога» меня побеждали минут пятнадцать, а трос всё норовил выскользнуть из рук, но в итоге я зацепил всё на место и поехал на бульвар.

Там уже стояла «двойка» из второго депо. Длинная, ржавая и противная. Вокруг неё пританцовывала Светка, которая вместе со мной училась водить троллейбус в Свердловске, а теперь вместе со мной любила оренбургских «рогатых» всей душой.

— Что, Свет, недолго нам осталось?

— Ты о чём, Ян? — ответила она так, будто не в курсе событий.

— Закрывают мой маршрут. И твой, видимо, тоже. Советская же пешеходная будет.

— А, это я знаю. Только мой не закроют. Обещают как-то по-другому пустить, вроде как по Выставочной. Мы же с Маяка одни едем, там толком транспорта и нет другого. Один двадцать второй да тридцать второй, да только кто на них ездит?

— Ты так спокойно об этом говоришь.

— Чего нервничать? Мне-то какая разница, где ехать. Тем более что до самого бульвара мало кто едет, пустая езджу. А на Выставочной хоть какие-то люди будут.

Я хотел возразить что-то очень пафосное и философское, но с Советской плавно выехала Люба на своём «башкире» с рыжими стёклами, и стало не до разговоров. Пора ехать. Я открыл двери для единственного пассажира, которому вздумалось в такую рань отправиться на вокзал, и двинулся. Улица была ещё пустая, и я просто плавно шуршал вперёд, не тормозя на остановках, при этом жадно глядя по сторонам. Вот магазин «Океан». Когда я был маленьким, мы жили неподалёку, на Челюскинцев, и я с мамой ходил сюда за минтаем. До сих пор его ненавижу. А вот маленький Ленин и моя тридцатая школа напротив. В середине восьмидесятых, учась классе во втором, я смотрел такой же снежной зимой в окно на уроках, вглядываясь в мчащиеся троллейбусы и мечтал, что однажды мне не нужно будет ходить в школу, и я сам буду за рулём «единички» рассекать по Советской, и все девочки будут смотреть, как я ловко управляюсь со штангами и каким мужественным голосом объявляю остановки. Рядом музыкальная школа, где я долгими вечерами ломал пальцы, пытаюсь выучить очередную пьесу на кларнете. Окончил я её, конечно, с хорошими оценками, но за инструмент с тех пор не брался, хоть он и перекочевал даже в мою новую квартиру, на антресоль. Вот кукольный

театр, напротив которого всю жизнь стоит местный дурачок Олег и поёт песни. Причем делает это неплохо, и уже лет двадцать не прекращает этим заниматься, хотя морщины уже выдают годы. Сегодня пока не вышел. А здесь магазин на углу Кирова. Каждый день бегали сюда из школы за пирожными на большой перемене. Таких вкусных не делают больше нигде в мире, наверное. Хотя в школе с голодухи всё вкусно. А вот чёртов недострой, который стоит тут уже чёрт знает сколько и просто разрушает всё настроение. Даже когда едешь радостный в солнечный день, стоит поднять на него глаза, и сразу всё портится. Наверное, его и через пятнадцать лет не достроят. И не снесут.

Сзади слышался гудок. Я посмотрел в зеркало и увидел, что за мной мчится на своей развалюхе Света с дымящейся папиросой в зубах. Она была абсолютно счастливым человеком. Ей удалось вырваться из своего грустного Бузулука, получить работу по душе и комнату в общежитии. Наверное, именно поэтому её не волновало закрытие троллейбусного движения на Советской. Её радовало всё, что не было связано с возвращением в Бузулук, и на Оренбург ей было в основном плевать. К тому же она настолько любила троллейбусы, что ей было безразлично, где ездить, лишь бы что-ни-

будь гудело над головой. Поэтому она ездила на самой убитой «гармошке» из всех, что были во втором депо. Ей просто было в кайф возиться со всеми этими ржавыми железками, оторванными проводками и разбитыми стёклами. Моя машина тоже дышала на ладан, но для меня в этом всё была другая романтика. Я наслаждался тем, что я в своём городе езжу по практически родной улице на лучшем виде транспорта из всех. Мне доставляло невероятное удовольствие смотреть через лобовое стекло троллейбуса на прекрасные старые дома, на деревья, на людей, на небо, да вообще на всё. Потому что это мой любимый город, а работая водителем, я занимался только тем, что смотрел на него целыми днями, любовался им. И я делал это из года в год практически каждый день — и это не могло никак мне надоест. И не надоело бы никогда. Но, увы, проводам на Советской оставалось каких-то полгода, а мысль ездить на другом маршруте казалась мне страшным вздором. Как можно ездить в Южный, когда в городе есть бульвар?!

II

Первым, что я увидел в то утро, было солнце. Оно издевательски светило мне в лицо своими наивно радостными лучами. Это был пер-

вый день в моей троллейбусной жизни, когда я не хотел на работу. Я невероятно долго поднимался из кровати, невероятно долго заваривал кофе и ещё дольше крутил ручку гетеродина на телевизоре, чтобы он мне хоть что-то показал. В этот раз моя антенна решила, что с меня хватит только дециметровых каналов, и пришлось смотреть какой-то всеми забытый фильм на «НТВ» — из тех, что показывают только с полуночи до шести утра, когда все нормальные люди спят. Под окном прогремел мусоровоз, и я подумал, что было бы здорово стать его водителем — потребность в такой работе у людей явно никогда не отпадёт. В отличие от троллейбусов.

Кофе сварился, я потягивал его, сидя на полу перед телевизором и щёлкая каналы плоскогубцами. За счастье было даже посмотреть профилактику, только бы не ехать в последний рейс. В итоге я остановился на «7ТВ», где шёл турнир по дартсу, и начал, наконец, собираться, параллельно слушая, кто из двух игроков выбил утроение двадцати. Меньше всего меня радовало то, что заключительный выход на первый маршрут придётся сделать не на своём любимом «ЗиУ», а на новомодном «БТЗ», потому что мой старичок засел в ремонтном боксе и не планировал оттуда выходить. Я вставил

в плеер новую кассету Земфиры, «Четырнадцать недель тишины», и не торопясь пошёл в депо. На торчащий гнилой зуб будущей библиотеки политеха хотелось плюнуть, но у меня не хватило бы слюны, чтобы выразить всё своё презрение к этой стройке. Переходя дорогу по привычке у водонапорки, я шёл медленно, наступая всей стопой, чтобы сильнее ощутить прохладу асфальта через тонкие подошвы кедров. На проходной всё так же сидел Валерич, разгадывал кроссворды и пил чай из стакана в железнодорожном подстаканнике.

— Здорово, Валерич! — привычно бросил я.

— О, Ян, привет! Чаю хочешь?

— Нет, я на кофе. Что, все уже пришли?

— Да, Любка нарядная ходит, хорохорится. Всё, последний...

Я не дослушал его, вышел во двор и первым делом пошёл к цеху. Из открытых дверей торчал зад моего «ЗиУ», и выглядел он неважно. Заметив меня, с крыши по лесенке слез сидящий инженер-электрик Толя и подбежал, протирая руки ветошью.

— Здорово, Яник. Короче, ничего хорошего сказать не могу, я пытаюсь, конечно, но уже дело плохо. Электрика проживёт ещё совсем немного, а кузов же сыплется, сука такая, тут уже ничего не поделаешь.

— Толь, он ездить будет или нет? — Я был непреклонен, и мне нужен был прямой ответ. Инженер потер своей широченной коричневой ладонью макушку и тяжело вздохнул:

— Не думаю. Да чего ты так печёшься об этом сарае? Он же почти десять лет ездит, всё, срок подошёл! Не сегодня-завтра новых «башкир» закупят, да катайся себе барином!

Я многозначительно промолчал и ушёл к своему временному другу, который никак не хотел со мной дружить. На таком ездила Любка, и его рыжие стёкла напоминали мне её волосы. Я буквально чувствовал, будто еду внутри неё. Так себе ощущение. А уж завести его была целая эпопея — ещё одна аналогия с Любой. Сама она стояла рядом, курила и отмахивала дым от своих волос путёвкой.

— Что, подруга, уже едешь?

— Ну, ты сходи, путёвку возьми, да вместе рванём, не хочу одна на бульваре стоять.

Я обошёл свой троллейбус и увидел кривую трафаретную надпись «Здравствуй, пешеходная Советская!» во весь левый борт.

— Люб, а это что за порнография?

— А это мы вроде как радуемся, что на один маршрут меньше стало. Суки, скажи, а?

— Ого! Все ж говорят, что тебе осточертела «единичка». А ты вроде даже расстроена, нет?

— Да знаешь, Ян, — ответила Люба, затушив хабарик о фару своего троллейбуса, — в последние месяцы начала понимать, что всё-таки здорово это. Маршрут короткий, график хороший, торопиться некуда, едешь — отдыхаешь. Ещё и деньги платят. А в какую-нибудь «четвёрку» влезешь — и вот давай огородами через всё село кататься. Напряжно как-то. А у нас тут ни пробок, ничего такого вообще. Да и красиво, блин, Советская же, вокзал, центр. Явно лучше, чем на Комсомолке гусей сшибать.

— Люб, вот ты пятнадцать лет уже на «единице» ездила и только сейчас это поняла?

— Да сама знаю, что дура. Ну, теперь придётся новые маршруты учить, а то ещё и в Южный отправят ездить.

Когда я выезжал из депо на маршрут, меня охватила необъяснимая радость от причастности к чему-то великому. Когда-то этим маршрутом открывался весь оренбургский троллейбус, теперь же мне предстояло пройти по нему последним. Хотя в душе ещё теплилась надежда, что «наверху» передумают строить ещё одну хрень в центре города и со временем вернуть провода. Но и эта надежда ускользала из меня тем дальше, чем ближе я подъезжал к бульвару. Там уже, как всегда, стояла и смолила Светка, опершись спиной о борт своей

«двойки». За прошедшие полгода она, видимо, сделала внушение ремонтникам второго депо, и её «гармошка» стала выглядеть более-менее приемлемо.

— Чего, Ян, не радуешься? Не приветствуешь пешеходную Советскую? — спросила Света, будучи в приподнятом настроении. Впрочем, в другом она и не бывала.

— Да ну тебя к чёрту. Без тебя тошно, — огрызнулся я.

— Ладно тебе, не нуди, — ответила она, подошла к моему окну и встала на колесо, чтобы поцеловать меня в щёку через окно. В этот момент я впервые увидел в ней девушку, а не коллегу, сотрудника, водителя троллейбуса, друга, в конце концов. Я на секунду замер, взглядевшись, как солнечные лучи путаются в её пепельных кудрях, как нежно растекаются её губы по лицу, улыбаясь, как её цвета варёной стужёнки глаза пристально смотрят прямо в мои... Но часы на башне пробили шесть, и я ментально отрезвел.

— Вот ты тут нежничаешь, а кто мэра домой в погреб повезёт?

Мы посмеялись, она ушла в свою ЮМЗ-шку, а я подумал, что никогда в жизни не стал бы с ней иметь никаких отношений. Задохнулся бы к чёрту от её папирос.

Вошло несколько человек, я закрыл двери и тронулся. Глядя через оранжевый фильтр стекла на Советскую, я не получал никакого удовольствия от езды. Мне не хотелось смотреть по сторонам, потому что всё выглядело, как в каком-то сне из далёкого детства — немного размыто и с искажёнными цветами, как на передержанной плёнке — а реальная наружность этих домов и магазинов меня привлекала куда больше, чем такая. Этот новый троллейбус работал так тихо, что я и без традиционного гудка в спину услышал, как сзади громыхает Светка. Посмотрев в зеркало, увидел облачко дыма, несущееся рядом с её окошком. Стало даже ещё тоскливее, чем до этого, потому что я привык видеть её торчащую папиросу, слышать её сигналы и прощаться на развилке Цвиллинга и Паркового. Дело даже не в самой Свете, а в том, что это всё было, а теперь у меня это всё отбирали. При том-то, что больше в моей жизни не было абсолютно ничего, кроме этих маленьких ритуалов, да и не хотелось ничего больше. Даже если бы я вернулся в свой родной милый троллейбус, который был со мной с самого начала моей рабочей жизни и стал моим самым настоящим и единственным товарищем, большинство вещей бесследно исчезли бы из моей жизни. Все эти разговоры на буль-

варе перед рейсом, серая громадина в зеркале заднего вида, магазин «Океан» и даже поющий Олег. Ведь где-нибудь на Карагандинской его не увидишь.

Пока я размышлял над всем этим, на мой дряхлый «Ericsson» пришла эсэмэска, но я решил не отвлекаться от рейса, чтобы сохранить его в своих воспоминаниях, пусть он и не так хорош, как мог бы быть на моём «ЗиУ». И не так плох, как, наверное, на Светкиной колымаге. У меня хотя бы тишина в салоне, не считая мерного бормотания кондуктора с очередной знакомой пассажиркой. А там под каждым сидением ведро с болтами, видимо. Но за все эти годы Света так и не позволила сместить себя с этой машины — в ней от природы была страсть преодолевать трудности, даже если приходилось самостоятельно их создавать. Тут ей ещё и взбрело в голову зачем-то меня чмокнуть. Я так до сих пор и не понял, зачем она нам обоим напомнила о студенческих годах, когда мы суровой уральской зимой грели друг друга на съёмной квартире в Свердловске своими телами и цейлонским чаем, потому что, приехав в Оренбург, мы поклялись никому никогда об этом не рассказывать: кондукторы — те ещё сплетники, и о наших с ней шашнях очень быстро узнал бы весь город. А этого никто из нас

двоих не хотел. Мы почему-то всегда немного стеснялись друг друга. И в тот день Света ни за что бы меня не поцеловала даже в щёку, если бы Любка в этот момент не подкуривала папиросу своему кондуктору и смотрела бы на нас. Но, признаться, эта мелочь меня волновала меньше всего. Приближалась конечная, вокзал.

К две тысячи второму году Привокзальная площадь превратилась в чёрт-те что, и там было не протолкнуться от назойливых жёлтых «Газелей», еле живых «Икарусов» и полупулегальных такси. Я развернулся и встал на остановке, раскрыв двери. Тут только я вспомнил об СМС-сообщении. Я взял телефон и открыл его. Писал Толя: «Ян, твой сарай списали. Сейчас будем пилить. Тебя во второе хотят».

Всё кончено.

III

Первым, что я увидел в то утро, был затылок Светы. Я выплюнул клочок её волос и приподнялся над кроватью. В окне чуть алели отблески апрельской зари. Теперь мне приходилось вставать ещё раньше, чтобы успевать вовремя на второе депо, куда меня перевели. Я легонько пихнул Свету, чтобы та тоже просыпалась, и пошёл на кухню. Она кинула вслед:

— Мелких разбуди!

Я нехотя открыл дверь в детскую. Егор и Яська уже проснулись, но сделали вид, что ещё спят.

— Бегом умываться, черти! — скомандовал я, и они пулей вылетели из-под одеял.

Я прошёл через их комнату на балкон, открыл новую пачку «Примы» и вставил сигарету в мундштук.

К этому времени я уже водил некогда ненавистную мне «гармошку» и даже начинал к ней привыкать. Несмотря на то, что мне уже нравился и шум, и неповоротливость, и все остальные прелести троллейбуса «ЮМЗ», на торпеде у меня был прилеплен шильдик «ЗиУ», который я попросил срезать с моего списанного друга.

На балкон вышла Света и тоже закурила.

— Постеснялась бы при детях.

— Пошёл к чёрту.

Дальше мы курили молча, настолько молча, что затихли даже мысли в моей голове. В дверь позвонили.

— Свет, звонок.

— Не слепая.

Это пришла моя мама, которая подрядилась сидеть с детьми, пока не подойдёт очередь в садик. То есть лет до семи.

Света вернулась на балкон.

— У меня сегодня рейс позже стоит, может, ты сам дойдёшь, а я потом на автобусе как-нибудь?

— Моя жена настолько не хочет проводить со мной время?

— Твоя жена настолько не хочет выходить из дома в четыре утра и идти пешком на работу, чтобы там ещё несколько часов сидеть.

— Тогда я на велике домчу. Как раз кофе успею попить.

Пока я накачивал шины, мама со Светкой выпили по турке кофе и потеряли всякое желание варить ещё. Поэтому день обещал быть вялым.

Я выехал гаражами на Аксакова и помчал прямо посередине дороги. Мой старый кассетник сломался. И теперь в пути я слышал только тихий голос бормочущего во сне Оренбурга.

Он не отвлекал меня от собственных мыслей, будто старался не перебивать, внимательно вслушиваясь в то, о чём я думаю. И эти редкие моменты единения с городом делали меня счастливее, были единственной отдушиной. За те три года, что прошли с моего прощания с родным маршрутом, в моей жизни появилось слишком много шума. Шумный троллейбус, шумная жена, шумные дети, шумная мама. Только город, уставший кричать за последние

пятнадцать диких лет, начал стихать, обезлюдил и погрузнел.

Троллейбусов стало в два раза меньше, по улицам стали бешеными стадами носиться «Газели», а рынки ряд за рядом уступали место черт-те каким строениям.

Я добрался до депо и закатил велосипед на проходную. Вахтёрша зло покосилась на меня и уткнулась обратно в кроссворды.

— Доброго утра, Наталья Санна! — попытался быть приветливым я.

— Город в Польше, пять букв, последняя — мягкий знак.

— Лодзь, — хмуро ответил я и вышел во двор. Там меня уже ждал мой ржавый товарищ. Я погладил его по зеркалу.

— Что, Ян, привык уже? — окликнула меня сзади Любка. Я обернулся.

— Да что-то вроде того, — неуверенно ответил я.

— Отвыкай, — грустно сказала Люба. — Всё, накрылась наша работа.

— Что опять?

— Депо закрывают, маршруты почти все закрывают, «гармошки» в утиль. Денег нет.

— Твою ж мать. Какого чёрта опять? Они совсем хотят троллейбусы загнобить?

— Да, комерсы охренели. Маршрутки летают, пассажиров разбирают, мы пустые, мы без денег. И никто им ничего сказать не может и не хочет.

— И что делать будем?

— Ждать. Может, дойдет до кого.

— А может, и нет, Люб.

— А может, и нет, Ян. Дуй путёвку бери. Мы на «тройке» сегодня.

Я откатал целый день, стараясь не думать ни о чём таком. Меня заботило, когда дети пойдут в сад, когда мама переживет и переварит смерть отца, когда «Агата Кристи» выпустит новый альбом, как долго «Прима» будет стоить шесть рублей за пачку. Но когда вечером мы со Светой сели в троллейбус развозки, звенящая тишина заставила меня выдать слова досады.

— Ну и что думаешь обо всём этом?

Света молчала минут пять, не глядя на тлеющую в руке папиросу. Потом она ответила:

— Тоска, Янчик,

До дома мы ехали молча.

В квартире было темно и тихо. Мама уже спала на нашей кровати. Света сразу пошла курить на кухню, а я заглянул к детям.

— Папа, а что это такое? — раздался хриплый шепот из-под одеяла.

— Ты о чём, Ясюль?

Она высунулась и ткнула пальцем в пыльный кофр на столе. Я улыбнулся.

— Ерунда. Утром тебе покажу. А пока спи.

Поцеловал её и Егора в лоб, подхватил со стола кофр и вошёл на кухню, заполненную дымом и грустной Светой.

— Чё за хрень ты притащил?

— Дети нашли мой скелет в шкафу,— ответил я, открыл футляр и собрал кларнет. Света оторопела:

— Даже так? Ты не говорил.

— А я и не знал,— сказал я. И заиграл первую пришедшую на пальцы пьесу. Это была ария Дон-Жуана из «Фигаро» Моцарта. На самом верху у меня запала си-бемоль, и я притормозил. Из детской выглядывали две растрёпанные головы.

Света улыбнулась.

— И ты всю молодость хотел отдать рогатым развалюхам? Если да, то дурак.

— А ты вышла за дурака. Кофе будешь?

Следующим утром я сел на «двенадцатый» пассажиром. Света улыбнулась мне в зеркало заднего вида. Я помахал ей кларнетом.

Последний троллейбус

Первым, что я увидел в то утро, было моё собственное чуть помятое отражение в залапанной лакированной поверхности старого советского пианино. Я встал, похрустел затекшей шеей и подошел к окну. До рассвета было ещё далеко, но небо из-за фонарей чуть светлело между невысоких крыш и кряжистых деревьев. Щёлкнув шпингалетами на фрамуге, я распахнул окно, встал на подоконник и закурил. Последние несколько дней я не находил в себе сил возвращаться ночью домой после изнурительных репетиций, поэтому приходилось ночевать прямо в институте. Света с этим свыклась, потому что сама приходила домой не раньше полуночи, а дети достаточно повзрослели, чтобы радоваться тому, что папа не пришёл.

Впереди был отчётный концерт нашего симфонического оркестра, в котором я сидел на деревянных духовых, в основном на своем

родном кларнете, изредка пересаживаясь на гобой или фагот. Каждый февраль наш институт устраивал в филармонии концерт памяти Ростроповича, и последняя пара месяцев перед концертом превращалась в бесконечную репетицию. За это время я успевал сбросить килограммов пять веса, выкурить бесщётное количество сигарет и увидеть семью раза два. Вот и теперь я чувствовал, как мои щёки топорщатся на ветру, пока я пытаюсь докурить и не выпасть из окна. Зато сегодняшний день был, к счастью для всех, объявлен выходным, поэтому мне нужно было всего лишь позаниматься с утра со студентами по специальности. Их у меня не так много — кларнет не самый популярный из инструментов, поэтому к одиннадцати я уже должен был быть дома.

В пол-одиннадцатого я, отплёвываясь от тупости студентов, вышел на крыльцо института, закурил и пошёл на остановку. По графику Света как раз должна ехать в сторону Победы. Солнце уже встало и заскользило по залитой грязным снегом Ленинской. Зима выдалась так себе, и февраль был больше похож на март — капель, лужи, грязь, ясное небо. Вокруг закрытого забором постамента маленького Ленина в его отсутствие через снег пробились трава, безбожно растоптанная учениками

из физмат-лица за время переменок. Советская же приобрела столь плачевный вид, что её проще было застроить многоэтажками, ей-богу! Плитка, уложенная заново меньше года назад, потрескалась, покрылась выбоинами от многочисленных каблучков и всем своим видом показывала, что в неё нужно вложить ещё несколько миллионов бюджетных денег. Как и во все предыдущие годы. Уродливые бронзовые скульптуры в тени драмтеатра угрюмо поблескивали, и весь их вид содержал в себе ничем не прикрытый призыв к вандализму. Про всякие «Бургер Кинги» и прочие рассадники гопоты, наверное, и говорить нечего. В общем, за последние пятнадцать лет изменений в лучшую сторону я вижу ровно ноль. Кроме, разве что, частичной засыпки «Атриума» двенадцать лет назад и уже почти полного разбора недостроя. Хотя мы и не надеялись.

Я вышел на Кирова и встал на остановке ждать Светин троллейбус, который всё не шёл. Мимо меня уже проехал десяток тридцать девятых и шестьдесят вторых, а Светин график уже два раза провертелся на троллейбусных рогах. Наконец вдали показалось что-то оранжевое (этот новый раскрас приводил меня в ужас, но он хотя бы новый). Через пару минут вальяжно подтащился «ВМЗ», последний купленный для

нашего города. Впрочем, и его время подходило к концу. Только это была не Света, а Лёха на десятом маршруте. Он помахал мне, я ему, он жестом предложил зайти, но я отказался, жестами же сообщив, что жду Свету. Лёха ничего не понял и поехал дальше. Две-три сигареты спустя с 8-го Марта на Кирова вывернул апельсиновый, свежавыкрашенный «ЗиУ». Это был чуть ли не единственный троллейбус из оставшихся, который мне действительно нравился. Хотя он и пришёл в город только в 2007-м, после аварии ему приклеили морду от старого «ЗиУ» 1993-го года, поэтому он вызывал у меня острое чувство ностальгии по моему собственному первому троллейбусу. На этом драндулете Света протарахтела в сторону Джалиля мимо всех возможных графиков.

Вот уже пятнадцать лет, как я ушёл из троллейбусного депо и после ряда образовательных перипетий стал преподавателем в институте искусств и участником оркестра. Можно было бы сказать, что о такой перемене стоило мечтать — уйти из стези тяжёлого физического труда и заниматься, с позволения сказать, творчеством. Какое-то время это и правда было так. Я ходил окрылённый, студенты были в восторге, и на троллейбусах я ездил только пассажиром. Наш институт с каждым годом процветал,

а депо, уже единственное, загнивало. Всё сильнее и сильнее менялся тон Светы, когда она говорила по вечерам о работе. Да я и сам видел, сколько троллейбусов выходит на линию и в каком они состоянии. Все гармошки распилили, все старые «ЗиУ» распилили, даже более-менее крепкие «РОССАНЫ» — и те ушли под нож. Из четырнадцати маршрутов осталось шесть, из двухсот троллейбусов — пятьдесят, из толпы сотрудников — мизерная часть. Каждый новый глава Оренбурга обещал не оставлять город без троллейбусов, но с каждым годом состояние ухудшалось. Теперь же на этот пост посадили человека совершенно из другого города, который, судя по всему, электротранспорт видел только по телевизору. Поэтому все надежды иссякали с каждым днем, люди разбегались кто куда из депо, а машины просто перестали чинить, потому что финансирование оборвалось и едва хватало на зарплаты. И все же я каждый раз останавливался и долго смотрел, как ранним морозным утром рога высекают пламя из проводов. Вставать ни свет ни заря, конечно, я отвык, но где-то втайне от себя был готов снова привыкнуть.

Назад Света ехала с опережением, поэтому мне пришлось даже выйти на дорогу, чтобы она меня заметила и остановилась. За лобовым

стеклом у неё стояла табличка «В депо». Я прыгнул в переднюю дверь, махнул кондуктору и поцеловал жену.

— Ты чё так поздно? И чё в депо уже?

— Все утро, мля, планёрка. А сейчас уже пора на обед, и не дай бог не приедешь. Они же удавятся, только бы за лишний круг не платить, сука!

— А по какому поводу планёрка в рабочее время? Они совсем страх потеряли?

— А то ты сам не понимаешь по какому. Говорят, готовьтесь, идите учитесь на автобус. На автобус, сука!

— Что, серьёзно? Уже в открытую говорят?

— Нет, шучу. Это они ещё скрывать пытаются. Будто непонятно и так.

— Сверху указ?

— Ну а ты как думаешь, снизу? Конечно сверху. Им, видать, занесли за землю под депо и за маршруты, или ещё что-нибудь. Ладно хоть на Автоматику пока не отправили, мы бы там в первый месяц загнулись. Комерсам же вообще насрать, муниципалитет — не муниципалитет, им вообще пофигу, они видят хорошее место — всё, надо строить сраную стекляшку! Вместо депо, мля! И хоть бы кто пикнул! Нет же, у них целесообразность, у них нерентабельность, у них оптимизация, твою мать!

— Тихо ты, а то в первых рядах полетишь.

— Да не хочу я тихо! Не хочу я тихо, понимаешь?! Я работать хочу, и чтоб меня никто не трогал, и чтоб я не сидела на нервах в ожидании чёрт знает чего! Детям в институт скоро, а я без работы буду сидеть!

— Ладно тебе, пока же работаешь. Может, с тобой в депо зайти?

Я выпрыгнул из дверей на сырой асфальт и огляделся. Депо превратилось в кладбище троллейбусов. И «БТЗ», и «ЗиУ», и «ВМЗ» — все вокруг стояли без движения и без будущего. Вдоль заборов длинной вереницей тянулись ржавые корпуса без колёс, без стёкол, без электрооборудования, без фар, без дверей, разбитые, обгоревшие, изуродованные неумелыми граффити и неумелыми работниками депо. И, несмотря на кучу металлолома вокруг, здесь было пусто. Все люди куда-то подевались, и только в дальнем углу, сидя на обломках башкирского троллейбуса, курил какой-то электрик.

Света уехала на дальнюю площадку, а я сел курить у ворот. Из цеха вышел Лёха, вытирая высокий тёмно-коричневый лоб ветошью.

— Здорово, музыкант! Что, за баранку решил вернуться?

— Делать мне больше нечего. Со Светой зашёл просто.

— А-а-а. А я вот как раз уходить собираюсь, на автобус уже отучился, последнюю неделю дорабатываю.

— А за тебя кто будет работать тут — Светка сразу на двух машинах?

— Больно надо! Никому мы тут не нужны. Если сами все уйдем, начальство только радо будет.

— Прямо?

— Прямо, — Лёха помрачнел. — Нас отсюда только так выживают. Зарплата смешная, машины на ходу разваливаются. Мне кажется, специально нам денег не дают, чтобы поскорее со всем закончить и разойтись.

— Хреново, если так.

— Так, конечно же! Ты мост через Урал видел? У меня троллейбус, а не сайгак, чтоб по этим буеракам скакать. И хрен бы кто дёрнулся.

Весь февраль шёл дождь, и повсюду были лужи.

В марте я пришёл в депо устраиваться на работу. Начальник депо был непреклонен.

— Куда? Мне тебя на списанную технику верхом сажать? Машин нет, мест нет. Мы и так лишних людей держим.

— Саш, ну хоть на полставки. Тем более ненадолго, сам понимаешь, сколько вам тут осталось.

— Вот именно, что понимаю! Не понимаю я, какого чёрта ты здесь забыл! Или тебе семью кормить не надо?

— Надо. Месяц-то переживем как-нибудь.

— А мы не переживём, если ещё и тебе платить зарплату. Даже полставки. У меня в ремонтном цеху уже чинить некому, одни водители и кондукторы!

— Саш, дай хоть бесплатно поработать, в свободное время. Ну надо мне.

— Ещё чего выдумал!.. Да чёрт с тобой, работай на свои полставки. Уйди, чтоб я тебя не видел. Я оформился.

Следующим утром я встал вместе со Светой в полчетвертого. Она была не в восторге от моего решения вернуться на троллейбус, потому что перспективы работы в депо с каждым днём были ближе и ближе к полному закрытию движения. Но Света ничего не стала мне говорить по этому поводу. Именно поэтому я на ней женился и прожил уже до сорока шести лет.

Я покурил в ванной, глядя на себя в зеркало. В толще собранных в хвост волос то и дело мелькали прожилки седины, а лицо прорезали мелкие глубокие морщины. Какой же я старый, чёрт возьми. Света стала долбиться в дверь, поэтому я прервал акт самолюбования, затушил сигарету об раковину и вышел.

В четыре мы вышли из дома, жена взяла меня под руку. Ночь была ясной и звёздной, сильно морозило, ноги то и дело разъезжались на скользкой дороге. Выйдя из двора, я взглянул на библиотеку ОГУ. Когда её только строили, она представлялась чем-то мощным и грандиозным. А получился какой-то дешёвый провинциальный торговый центр с золотым шпилем. Ни к селу ни к городу, как если бы посредине Советской кто-нибудь решил вырыть огромную яму... А, ну да.

На проходной сидел сморщенный и дряхлый, но всё ещё Валерич. Правда, он меня не узнал, даже когда я показал ему пропуск. Я даже немного расстроился. И радио он больше не слушает. Не слышит, наверное. После того, как мы подышали в трубку и взяли путёвки, я полетел в свой любимый угол, где благодаря совпадению или чьей-то хорошей памяти поставили отведённый мне троллейбус. Это был башкирский «БТЗ» 2007 года с широко расставленными прямоугольными фарами, приземистый и ржавеющий. Я открыл двери, сел за руль и зажёг свет. Фары осветили сильно прореженную толпу искалеченных троллейбусов. Я вышел, проверил колеса, залез по рассыпающейся лестнице на крышу, поменял контакты на рогах, закинул их на провода, вернулся

в кабину, щёлкнул все тумблеры, выключатели и, наконец, завел машину. Медленно и степенно, потрясывая брызговиками, троллейбус подкатил к выезду из депо, я впустил кондуктора, и мы сели ждать добро на выезд.

Почему я вернулся сюда, бросив музыку? Наверное, каждому хочется оживить свою молодость, когда она уже ушла. В свои самые яркие и активные годы я был здесь, сросшийся с диэлектрическими перчатками и стуком компрессора. И меньше всего я, пожалуй, задумывался о том, какую зарплату получаю и хватает ли её на жизнь. Потому что моя жизнь была здесь, за рулём огромного электрического друга, на улицах моего города. А теперь, уйдя с головой в другую работу и параллельно воспитывая детей, я стал думать о другом. Об их образовании, об их будущем, о нашем со Светой будущем, о деньгах, короче. Наверное, такая смена образа мысли и означает взросление. Или старение. Поэтому мне захотелось хоть ненадолго стать снова молодым. Возможно, это и есть кризис среднего возраста. Просто кто-то в это время начинается одеваться, как подросток, и говорить слова «хайп» и «краш». А я вот захотел поводить троллейбус.

Двери распахнулись, и мы поехали на маршрут. Сегодня мы на «двойке», поэтому

я не спеша поехал на Жукова. Там мы встали на остановке в ожидании первых пассажиров. «Двойка» поменяла свой маршрут после закрытия Советской. Теперь уже не получится постоять и поцеловаться со Светой на набережной или посмотреть в зеркало заднего вида, как она курит в окошко своей «гармошки». Да и «гармошек» уже давно нет, а на месте второго депо, где их оставили гнить, вырос очередной — барабанная дробь — торговый центр! Наверное, в наше время покупать и продавать куда важнее, чем ездить или, например, работать. Не удивлюсь, если наше депо захотят выкупить, чтобы поставить и там торговый центр. Или, может, пару новых шестнадцатизэтажек. Ещё бы было у нас столько людей, сколько строят квартир.

Ближе к шести мы выдвинулись, набрав народа в салон. На Хмельницкого зашло столько людей, что многим пришлось стоять, и я даже пустил маленькую счастливую слезу. Меня всегда радовало, когда в троллейбусе много людей — значит, он им нужен.

За эти годы к «Восходу» пристроили ещё один такой же. Теперь у нас и в самом центре города есть пустующий торговый центр. Не то чтобы совсем пустой, но с «Армадой», например, не сравнится. А Центральный рынок поч-

ти окончательно загнулся и усох до нескольких рядов и пары павильонов. Теперь, наверное, и насвай купить негде — «Локомотив» же тоже загнали под крышу. Бывший Дом быта тоже превратили в стекляшку, спасибо, что не синюю, и уже в который раз переименовали. На татарском театре вышла половина людей и зашло ещё столько же. Я посмотрел по сторонам и, хотя старался избежать этого, кинул взгляд в сторону «Атриума». Даже спустя столько лет было тяжело смотреть из-за стекла троллейбуса на Советскую. Очень хотелось бы повернуть налево и мчать напрямки до самой набережной и там поругаться с Любкой из-за какой-нибудь ерунды, да только провода сняли и Любку давно уволили.

На конечной, «РТИ», я вышел покурить и краем уха услышал очень знакомый голос, почти кричащий в телефонную трубку:

— Да на троллейбусе пидор какой-то у меня всё собрал на «Славянском», ко мне одна бабка села — и та по транспортной карте! Вообще ни о чём круг!

— Лёха, можно и по имени, — отозвался я.

Он повернулся и натужно улыбнулся.

— О, здорово, Ян! Ты прости, я ж не знал, что это ты. А ты это почему? Вернулся, что ли?

— Занял твоё нагретое местечко.

Больше я разговаривать не хотел, поэтому оставил Лёху наедине со всеми его вопросами и сел обратно в троллейбус.

В час дня я приехал в депо на обед и решил заглянуть к начальству, чтобы вместе посмеяться над сменой вектора нашего бывшего коллеги, но Саше было не до смеха.

— Ну что, Ян, поработал?

— Да, всё исправно отъездил. А что?

— А то. Читай,— сказал начальник и сунул мне в руки бумажку.

— Распоряжение главы города... закрыть движение электротранспорта... нерентабельность... износ... заменить автобусными маршрутами... конкурс перевозчиков... в силу с 18 марта... Ну вот, а ты боялся мне платить! Видишь, не так долго тебе осталось на меня тратиться.

— Смеёшься? Посмейся. А потом скажи мне, где тебе и твоей жене теперь работать. У меня таких жён целое депо! Это же просто произвол какой-то! Он только пришёл на должность, только приехал в город, и уже так обосраться!

— Наверное, он считает, что делает что-то хорошее для города.

— Для себя он хорошее делает и для администрации. А город без нормального транспорта теперь будет.

— Ну ты, Саш, загнул, «нормального». Ты троллейбусы свои видел?

— Видел! В том-то и дело, что видел! А почему они такие, сказать тебе? Потому что хрен все на нас ложили...

— Клали, Саш.

— В том и дело, что ложили! Я последний раз финансирование видел году этак в восьмом! А теперь всё, теперь хрен нам. И тебе тоже, так что ты не улыбайся.

После предпоследнего дня троллейбусного движения мы со Светой сидели на кухне. Она сидела погруженная в ноутбук, искала себе работу. Вдруг она поперхнулась чаем и выплюнула его на экран.

— Ты это видел?!

— Как ты плюешься чаем? Видал.

— Да Ян, блин, дурак! Видел, кто взял тендер на перевозки по троллейбусным маршрутам?

— Удиви.

— Да вот некий неизвестный мужчина, у которого фамилия и место рождения поразительно совпадают с тем, кто троллейбусы отменил.

— С мэром что ли?

— Ага! И ведь хватает наглости! И никто им же даже слова не скажет! Тут же очевидно, что это всё какая-то херня. Почему никто не обращает внимания? В открытую же почти написа-

но, что он своему братцу организовал хорошую работу в новом городе!

— Ну иди и скажи им. Чего сидишь-то?

— А я что? А я кто такая? Меня даже не слушает никто, максимум штраф дадут за клевету — и всё. Окажется, что они однофамильцы, а Каменск-Уральский какой-то другой, не тот же самый.

— Вот ведь все так же думают, Свет. Пусть, мол, не я, а кто-то другой. И в итоге, пока кто-нибудь сообразит и начнет делать, поздно будет.

— Ты меня на слабо хочешь взять? Не получится. Вообще спать иди, тебе вставать рано.

Я тихо похихикал, Света злобно зыркнула на меня, и я ушёл.

Коллективным решением мне выпала честь отработать последний троллейбусный рейс в Оренбурге.

В десять вечера я выкурил сигарету на остановке «Завод РТИ», мысленно пожелал отъезжающему Лёхе проколоть колесо и сел за руль. Последний раз щёлкнули тумблеры на включение, двери с грохотом захлопнулись, и я, на секунду прикрыв глаза, нажал педаль газа. На «ДК ТРЗ» и «Доме одежды» зашло несколько человек, поэтому я успокоился: рейс

не пройдёт вхолостую. Выехал на мост, под фонари, ехал как можно медленнее, чтобы не угодить в яму и не пробить колесо. Но дорога мчалась быстро и не оставляла никакого шанса насладиться ею — то выбоина, то огромная лужа. На остановках почти никто не выходил и не заходил, но я всё равно старательно тормозил у каждой.

Вот и всё. Вот тебе и магазин «Океан», вот тебе и Олег напротив кукольного театра, вот тебе и Света на «гармошке», вот тебе и «Атриум».

В силу возраста я уже гораздо спокойнее воспринял закрытие движения, но всё равно где-то внутри что-то зудело и не давало спокойно усидеть на месте. Как жаль, что при принятии решений наши власти ориентируются на продиктованные бизнесом понятия рентабельности и экономической целесообразности. Есть же не только деньги, которые постоянно надо считать, экономить и потом все равно жаловаться, что не хватило. Есть же чувства людей, судьбы людей. Не буду спорить, что моя история выходит из ряда вон — я всё-таки уж очень люблю троллейбусы и не могу непредвзято относиться к этой ситуации. И, тем не менее, в нашем городе полмиллиона человек. За шестьдесят семь лет через наш город прошли

миллионы людей, рождались и умирали, приезжали и уезжали. И для кого-то судьбой было водить троллейбус, для кого-то — чинить троллейбус, для кого-то — выдавать билеты пассажирам, для кого-то — ездить на работу на троллейбусе. Конечно, это не большинство, их не так много. Но для них было важно, что троллейбусы есть. Кто-то не мог по-другому доехать с Терешковой на Пролетарскую, кто-то из-за возраста уже не мог найти себе другую работу, кто-то, как я, просто любил их за то, что кроме них больше ничто не напоминало о временах молодости. А ведь людям так важно о ней напоминать.

На Жукова я повесил табличку «В депо».

Когда я раньше думал о том, что однажды троллейбусное движение могут закрыть, я представлял себе это иначе. Помпезность там, шарикоподшипники воздушные, как было с «единичкой», какой-нибудь начальник департамента пассажирского транспорта речь толкает. А в итоге я еду один по тёмной грязной улице, даже без кондуктора — в последний день решили экономить на всём. Какая-то девушка на остановке «4-я горбольница» помахала мне. А может, и не мне.

Полы в троллейбусе моют сразу после рейса прямо на входе. Поэтому, когда я повернул

с Рыбаковской в депо и заехал за ворота, сразу же включил свет в салоне и открыл двери для уборщицы. Никто не зашёл.

Содержание

Счастье труда.....	3
Порт Кавказ	21
Полярные зори.....	29
Московские ворота.....	39
Здравствуй, пешеходная Советская!	62
Последний троллейбус.....	83

Владислав Сергеевич Огороков
Счастье труда

Редактор Вячеслав Моисеев
Вёрстка — Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 27.07.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография, Альфа Принт[«]»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ №

ISBN 978-5-907297-39-5

9 785907 297395